

КОГДА
ТИШИНА
СТАНОВИТСЯ
ГРОМЧЕ МУЗЫКИ

Ее
НОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

V. F. WINTER

18+

V. F. Winter

Eë Нота

«Автор»

2026

Winter V.

Её Нота / V. Winter — «Автор», 2026

Лиам Монро приехал в Нью-Йорк покорять вершины, а не собственное сердце. Блестящий адвокат с ледяным самообладанием, он привык держать чувства под замком. Его мир — это железная логика, где нет места случайностям. Но Эстер Голдман становится тем самым внезапным звуком, который разрушает его покой. Ошибочно приняв юную соседку за статусную владелицу пентхауса — выдающуюся скрипачку и зрелую наследницу империи, — Лиам впервые позволяет себе быть искренним. Он влюбляется в женщину, которую считает равной себе, не подозревая, что под маской величественной дивы скрывается студентка консерватории. Эстер видит ошибку, но не находит сил её исправить. Она начинает свою самую сложную партию — игру на грани разоблачения ради возможности быть рядом. Но музыка не терпит фальши. Когда иллюзия рассыплется, Лиаму придется решить: имеет ли право на жизнь «Её Нота», если она звучит совсем не в той тональности, которую он себе вообразил?

© Winter V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава	6
Глава 1. Лиам	8
Глава 2. Эстер	11
Глава 3. Лиам	14
Глава 4. Эстер	21
Глава 5. Лиам	26
Глава 6. Эстер	31
Глава 7. Лиам	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

V. F. Winter

Её Нота

Аннотация

Лиам Монро приехал в Нью-Йорк покорять вершины, а не собственное сердце. Блестящий адвокат с ледяным самообладанием, он привык держать чувства под строгим замком и меньше всего планировал влюбиться в соседку по этажу. Его мир — это железная логика и карьера, где нет места случайностям. Но Эстер Голдман становится тем самым внезапным звуком, который разрушает его покой и заставляет забыть об осторожности.

Ошибочно приняв юную Эстер за статусную владелицу пентхауса — выдающуюся скрипачку и зрелую наследницу империи, — Лиам впервые позволяет себе быть искренним. Он влюбляется в женщину, которую считает равной себе по силе и положению, даже не подозревая, что за маской величественной дивы скрывается молодая студентка консерватории, чья большая жизнь только начинается.

Эстер видит эту ошибку, но не находит в себе сил её исправить. Она действительно принадлежит к этой семье и владеет этим даром, но знает: как только Лиам узнает правду о её возрасте и настоящем статусе, его восхищение может смениться холодным презрением. Эстер начинает свою самую сложную партию, где каждое мгновение — это игра на грани разоблачения ради возможности быть рядом с тем, кто ей дорог.

Но музыка не терпит фальши. Когда иллюзия рассыплется, а Лиам осознает, насколько сильно он обманулся в своих ожиданиях, ему придется решить: имеет ли право на жизнь «Её Нота», если она звучит совсем не в той тональности, которую он себе вообразил?

Глава

Саундтрек к книге

«У каждой сцены есть свой звук. У каждого чувства — своя нота».

Часть I: Классическая душа

J.S. Bach —

Partita No. 2

J.S. Bach —

Orchestral Suite No. 3 in D Major, BWV 1068: II. Air

J.S. Bach —

Cello Suite No. 1, Prelude (Violin Version)

Christoph Willibald Gluck —

Dance of the Furies

Antonio Vivaldi —

Summer II: Adagio e piano

Jules Massenet —

Méditation from Thaïs

Nicola Piovani —

Buongiorno Principessa

Часть II: Современное эхо

Max Richter —

The Quality of Mercy

Max Richter —

Dona Nobis Pacem 1 & 2

Max Richter —

Departure (Lullaby)

Ludovico Einaudi —

Elements

SYML —

Believer (Piano Version)

Часть III: Пульс Нью-Йорка

Celeste —

Time Will Tell

Celeste —

Woman of Faces

Celeste —

This Is Who I Am

James Blake —

When the Party's Over

Часть IV: Соул и обнаженные эмоции

James Carr —

The Dark End of the Street

Otis Redding —

These Arms of Mine

V. F. Winter *Погрузитесь в музыку шторма.*

Глава 1. Лиам

Music on: Abel Korzeniowski — Stillness of the Mind

Города никогда не прощают тех, кто их покинул, но Нью-Йорк — особенный: он просто ждёт, когда ты вернёшься достаточно сильным, чтобы попытаться затянуть удавку на его шею еще раз.

Конец августа в мегаполисе напоминает затянувшуюся агонию.

Когда я вышел из терминала Кеннеди, влажность плотной, липкой лентой облепила лицо, мгновенно стирая ощущение рафинированной прохлады бизнес-класса. После двухчасового прыжка из Цинциннати, где единственным звуком был едва слышимый шелест страниц «The Wall Street Journal», агрессивный грохот Нью-Йорка казался неоправданно громким.

Я остановился у края тротуара. Раздражение — слишком дешевая эмоция, которую я редко позволяю себе демонстрировать, но местный климат умеет находить микротрещины даже в самой дорогой броне. Я снял пиджак из тончайшей шерсти, перекинув его через сгиб локтя, и привычным, почти медитативным жестом расстегнул пуговицы на манжетах. Закатал рукава до локтей, освобождая запястья. Мои старые «Vacheron Constantin» с платиновым корпусом мерно отсчитывали секунды моего возвращения. Я купил их на свой первый по-настоящему крупный гонорар в день, когда окончательно осознал: профессиональное хладнокровие стоит гораздо дороже, чем юношеские идеалы. Для кого-то эти часы были лишь символом успеха, для меня — напоминанием о цене, которую пришлось заплатить, чтобы перестать зависеть от обстоятельств.

Телефон в кармане брюк коротко отозвался вибрацией.

Джулиан Локвуд: *«Приземлился? Короткий рейс, надеюсь, ты не успел проклясть всё на свете. Мой риелтор, госпожа Капур, ждет тебя по адресу: 15 Хадсон-Ярдс. Она профессионал, выбила условия, которые устроят даже твой юридический перфекционизм. Разбирайся с жильем, партнер. В понедельник жду отчета из нашего нового офиса. Покажи им там, на что способен парень из Огайо».*

Я не стал отвечать. Джулиан мог позволить себе этот бодрый, почти покровительственный тон, оставаясь в безопасности своего кабинета в Цинциннати. Для него расширение на Манхэттен было лишь очередной амбициозной строкой в годовом отчете, а для меня — возвращением на поле боя, которое я когда-то покинул.

Мы с Маркусом Гейтсом и Локвудом вместе штурмовали право в душных библиотеках Колумбийского университета, но наши стартовые позиции разделяла пропасть. Джулиан вошел во взрослую жизнь с чековой книжкой отца и связями, которые открывали любые двери. Я же пришел с грантом на обучение и четким пониманием: у меня нет права даже на малейшее колебание.

Когда после выпуска Джулиан предложил перебраться в Цинциннати, чтобы открыть там «Локвуд, Гейтс и Монро», я не колебался ни секунды. Меня не тревожила перспектива провинциальной ссылки. Напротив, капитал Локвуда давал мне фундамент, а амбиции Маркуса Гейтса — надежный тыл. Маркус, чья семья поколениями занималась юриспруденцией, видел в нашей фирме шанс выйти за рамки наследственного ремесла и возглавить корпоративный сектор. Мы дополняли друг друга: Локвуд был лицом и деньгами, Гейтс — структурой, а я — мозгом и беспощадным клинком в зале суда.

Пятнадцать лет я выстраивал стратегии защиты для тех, кого называли «акулами», пока сам не стал хищником покрупнее. За это время мои партнеры обзавелись семьями, подстриженными газонами и иллюзией стабильности. Я же обзавелся репутацией человека, который

выигрывает дела об экономических преступлениях там, где другие видят лишь неизбежный тюремный срок. Мир «белых воротничков» не терпит сантиментов. Эту истину я запечатлел в памяти еще в самом начале работы в Цинциннати, когда инцидент с Элиасом Вэнсом доказал мне: любая личная привязанность — это брешь в броне. Крах Элиаса, моего единственного друга детства, не был для меня трагедией в привычном смысле. Он стал моей финальной закалкой, отсечением балласта. Больше я не позволял уязвимости диктовать мне условия. С тех пор я больше не проигрывал.

Черный «Кадиллак Эскалейд» плавно замер у обочины точно в назначенную минуту. Водитель, которого Ханна наняла еще до моего вылета, молча перехватил мой единственный чемодан. Оказавшись в салоне, я наконец почувствовал благословенный холод кондиционера. Откинувшись на кожаное сиденье, я смотрел на мелькающие за окном индустриальные пейзажи Квинса, плавно переходящие в стеклянный лес Манхэттена.

Последние четыре года моя жизнь превратилась в бесконечную череду перелетов между Огайо и Восточным побережьем. Я проводил в воздухе больше времени, чем в собственном кресле в Цинциннати, выигрывая дела, за которые не решались братья коренные нью-йоркские фирмы. В какой-то момент стало очевидно: мы переросли штаб-квартиру. Решение основать полноценный офис на Манхэттене было не просто амбицией — это стало производственной необходимостью.

Джулиан и Маркус доверили этот плацдарм мне. Со мной согласились переехать четверо моих лучших ассоциатов — те, кого я лично муштровал годами. Они понимали, что работа под моим началом в Нью-Йорке — это билет в высшую лигу, за который придется платить кровью и отсутствием сна. Но они, как и я, были готовы к этой цене.

В Цинциннати меня не держало ничего, кроме Авроры, чья привязанность начала тяготить меня задолго до этого рейса. Ей нужна была определенность — обязательства, совместные планы, уют. Мне же было нужно пространство. Переезд стал идеальным юридическим способом расторгнуть этот контракт без лишних драм.

— Пятнадцатая улица, Хадсон-Ярдс, сэр, — голос водителя прозвучал вовремя.

Я вышел из машины, и раскаленный воздух Нью-Йорка мгновенно ударил в лицо, смешиваясь с запахом бензина и дорогого парфюма. Прямо передо мной в небо вонзалась стеклянная игла башни — холодная, надменная, лишённая излишеств. Она выглядела как памятник человеческим амбициям, и в этот момент она была мне понятнее любого живого существа.

В лобби меня встретила мертвая тишина и запах полированного камня. Госпожа Капур — миниатюрная женщина в безупречном костюме, чей профессионализм граничил с автоматизмом, — уже ждала у лифтов, сжимая в руках тонкий планшет. Здесь не было суеты. Здесь пахло деньгами, которые умеют молчать.

Скоростной лифт бесшумно поглотил расстояние, и на семьдесят пятом этаже квартира отозвалась гулким, безжизненным эхом. Три тысячи квадратных футов функциональной роскоши: темный дуб, полированный бетон и панорамное остекление, за которым бурлил город, казавшийся отсюда лишь скоплением муравьев.

— Здесь установлена лучшая шумоизоляция в этом районе, мистер Монро, — Капур говорила ровно, едва заметно жестикулируя. — Город останется снаружи, как только закроется дверь. У меня есть контакты ведущих декораторов, которые подготовят проект с учетом ваших...

— В этом нет необходимости, — я оборвал её на полуслове, даже не взглянув в её сторону. Мой взгляд был прикован к линии горизонта, где сталь небоскребов вгрызалась в марево заката. — Запишите номер моей помощницы. Передайте вашим людям, что мне не нужны проекты, согласования и обсуждение цвета занавесок. У них есть сорок восемь часов, чтобы превратить этот бетонный склеп в жилое пространство.

Я обернулся к ней, и в её глазах мелькнуло замешательство.

— Пусть выберут самый дорогой и сдержанный пакет мебелировки. Функциональный минимализм. Кровать, рабочий стол, кресло. Больше мне ничего не нужно, остальное — на их вкус. Я плачу за тишину и избавление от лишних вопросов, а не за возможность выбирать обивку дивана. Надеюсь, в этом городе сорок восемь часов — всё еще реальный срок для тех, кто умеет считать деньги?

— Безусловно, мистер Монро, — в её глазах промелькнуло уважение. Время — единственная валюта, которую я не привык разбазаривать. Она быстро сделала пометку в планшете. — Всё будет готово к вечеру воскресенья. Скажите, мистер Монро, вы планируете жить один? Или ваша семья присоединится к вам позже, когда квартира будет полностью укомплектована?

Я посмотрел на неё, и мой взгляд, должно быть, был холоднее, чем лед в бокале виски.

— Я один, госпожа Капур. Всегда один. И в Нью-Йорке это правило не изменится.

Она понимающе улыбнулась, не моргнув и глазом — профессионал до мозга костей — и протянула мне кожаную папку с договором.

Я просмотрел договор аренды — старая привычка проверять каждый пункт, даже если риелтор пришел по рекомендации Локвуда. Всё было чисто. Поставив размашистую подпись, я вернул папку. Капур извлекла из сумочки ключи, но перед уходом чуть понизила голос.

— Кстати, о соседях. Прямо напротив, в семьдесят пять-ноль-один, живет мисс Голдман. Она из очень уважаемой семьи. Тихая, ведет крайне уединенный образ жизни. На мой взгляд, это идеальное соседство для джентльмена вашего статуса. Знаете, такая партия...

Я почувствовал, как внутри шевельнулось холодное раздражение. — Госпожа Капур, — я посмотрел ей прямо в глаза, добавляя в голос тот металлический оттенок, который обычно заставляет оппонентов в суде нервно поправлять галстуки. — Я высоко ценю вашу помощь. Но мои «партии» и мой досуг — темы, не входящие в наш контракт. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Она на секунду замерла, но тут же вернула себе самообладание. — Разумеется, мистер Монро. Также в семьдесят пять-ноль-четыре, проживает мистер Салливан, писатель. Пожилой джентльмен с собакой. Вы его вряд ли когда-нибудь услышите. Благодарю вас, на этом всё.

Когда дверь за ней закрылась, я остался в абсолютной тишине. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая Гудзон в цвет выдержанного коньяка. Я достал телефон.

Лиам Монро — Х. Стоун: *«Ханна, я на месте. Адрес: 15 Хадсон-Ярдс, 7502. Пересылаю контакт риелтора — проконтролируй мебелировку до вечера воскресенья. Вещи из Огайо должны быть здесь завтра к полудню. В понедельник в 8:00 жду тебя в офисе с полным досьё по "Глоуб Инвест". И да, водитель на связи, претензий нет».*

Ответ пришел почти мгновенно: *«Номер в "Equinox" готов, регистрация пройдена. Хорошего вечера, мистер Монро».*

Я убрал телефон и снова подошел к окну. «Мисс Голдман». Фамилия отозвалась в памяти сухим фактом — старые деньги, влияние, безупречная репутация. «Тихая, уединенная...» Я представил себе классическую представительницу этого круга: выдержанная, возможно, слишком правильная, с тем холодным достоинством, которое приходит только с определенным количеством нулей на счету. Идеальная соседка. Та, чьего присутствия я, скорее всего, даже не замечу в своем выверенном вакууме.

Я еще не знал, что этот вакуум будет разрушен звуком, который невозможно предусмотреть ни в одном юридическом контракте.

Глава 2. Эстер

Music on: J.S. Bach — Partita No. 2 in D Minor (BWV 1004)

Тяжелый чемодан с глухим стуком приземлился на раскаленный тротуар, когда такси бесшумно растворилось в потоке машин у входа в 15 Хадсон-Ярдс.

Я стояла, вцепившись в ручку чемодана, и чувствовала, как густой, влажный воздух Манхэттена мгновенно облепляет кожу, забиваясь в легкие. После прохладного бриза Сан-Франциско этот город казался огромным пережаренным стейком — слишком шумным, слишком тесным и пугающе живым.

Я поправила футляр со скрипкой за спиной. Мой единственный настоящий дом, который всегда был со мной, независимо от почтового индекса. Я знала, что со стороны могу казаться просто очередной туристкой, потерявшейся в этом бетонном лабиринте, но моя осанка, выработанная годами изнурительных репетиций, выдавала меня с головой. Скрипачи не умеют сутулиться — наш позвоночник привык быть безупречно прямой линией, на которой держится весь мир звуков. И сейчас эта линия была натянута, как струна перед первым тактом.

Телефон в кармане мелко задрожал. Папа.

— Только что выгрузила вещи у здания, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно. Усталость после шестичасового перелета и разницы во времени давила на виски, превращая мысли в вязкую кашу.

— Хорошо, что ты на месте, — в трубке послышался глубокий вздох. В нем было столько скрытой тревоги, что мне на мгновение захотелось развернуться и уехать обратно. — Эсси, я всё еще сомневаюсь, что это хорошая идея — жить с Вивиан. Ты же знаешь её... Одно твое слово, и мы найдем тебе квартиру в десяти минутах от академии. Тебе не нужно в этом участвовать. Тебе нужно думать о Бахе, а не о её капризах.

Я посмотрела на зеркальный фасад башни, в котором дробились огни проезжающих машин. — Я хочу рискнуть, папа. Мама сама предложила, она была такой воодушевленной по телефону. Может быть, за пятнадцать лет что-то изменилось? Мы ведь почти не виделись. Люди ведь меняются, правда?

Отец сухо, почти беззвучно посмеялся. Этот звук отозвался у меня под ребрами физическим холодом.

— И ты действительно думаешь, что это предложение упало с неба просто так? — в его голосе прорезалась едва уловимая, горькая усмешка. — Оно поступило ровно в тот день, когда мои адвокаты дали ей понять: если она не начнет интересоваться жизнью собственной дочери, я могу внезапно забыть, как подписываются её ежемесячные чеки. Удивительное совпадение, не правда ли? Но не важно... Зачем я буду портить тебе аппетит перед самой учебой этими пустяками. Эстер, просто напиши мне, как окажешься внутри. Будь умницей. Я люблю тебя, милая.

— И я тебя, папа. Спокойной ночи.

Я нажала «отбой» и на мгновение прикрыла глаза. Пять лет — столько мне было, когда родители развелись. Вивиан тогда была слишком молодой, слишком красивой и слишком жадной до жизни, чтобы оставаться в тихом калифорнийском пригороде. Она улетела в Нью-Йорк «устраивать судьбу», и за следующие пятнадцать лет наше общение свелось к коротким звонкам раз в месяц и редким открыткам. Я выросла в тишине её отсутствия, заполняя пустоту звуками скрипки.

И всё же, когда она предложила остановиться у неё, я согласилась не раздумывая. Глупое, детское желание наконец-то обрести мать оказалось сильнее гордости и здравого смысла. К тому же, этот адрес был всего в нескольких кварталах от The Heights — Манхэттенской Высшей

Школы Искусств, куда меня зачислили на третий курс. После двух лет лидерства в оркестре в Сан-Франциско я поняла: я — большая рыба в слишком маленьком пруду. Чтобы стать кем-то уровня Самуила Рейнхарта, нужно было пройти через мясорубку этого города. Прослушивание в июне прошло блестяще, но тогда Вивиан была в поездке с подругами, и я жила в отеле. Сегодня всё должно было быть иначе. Настоящее начало.

Я с трудом втащила чемодан в просторный, пахнущий дорогим камнем холл. За стойкой консьержа, выполненной из цельного куска черного мрамора, сидел молодой человек с безупречной укладкой. На его лацкане тускло блеснула золотистая табличка: «Леонард П.».

— Добрый вечер. Я к Вивиан Голдман. Она должна была предупредить, — произнесла я, выпрямляя спину и стараясь игнорировать дрожь в пальцах.

Леонард медленно оторвался от монитора. Его взгляд не просто скользнул по мне — он был тяжелым, липким, лишенным всякого профессионального почтения. Чтобы рассмотреть меня получше, он демонстративно откинулся на спинку своего кресла и чуть подался в сторону, заглядывая за массивную столешницу. Он прошелся глазами от моих кед по голым ногам вверх, бесстыдно задержавшись на бедрах, а затем, словно нехотя, переместился к моему лицу.

В этом взгляде было столько неприкрытого, животного вожделения, смешанного с циничной оценкой моей «стоимости», что мне захотелось немедленно вымыться. Он смотрел на меня не как на гостью, а как на очередное «развлечение», которое богатые жильцы заказывают себе на вечер.

— Разумеется, мисс... — он сделал паузу, продолжая рассматривать меня так, будто я была выставлена на аукцион. — Семьдесят пятый этаж. Квартира семьдесят пять-ноль-один. Вам помочь с чемоданом? Я мог бы подняться с вами, проводить до самой двери, убедиться, что вы в полной безопасности...

Его голос стал приторным, он подался вперед через стойку, явно выходя за любые рамки профессиональной этики. Он видел во мне лишь симпатичную девчонку в коротком платье, легкую добычу для скучающего консьержа элитного дома.

— Нет, спасибо. Я справлюсь сама, — отрезала я. Мой голос прозвучал как удар смычка по струне «ми» — резко, чисто и холодно. Я видела, как в его глазах мелькнуло удивление — эта «девчонка» умела кусаться.

Я почти бегом направилась к лифту, чувствуя его взгляд на своей спине до тех пор, пока двери не закрылись.

На семьдесят пятом этаже царила мертвая, дорогая тишина, нарушаемая лишь отчетливым, бархатным ритмом — двери квартиры напротив, под номером 7502, были чуть приоткрыты, и оттуда в пустой коридор вырывался приглушенный соул и едва уловимый гомон множества голосов. Кто бы там ни жил, у него был чертовски хороший вкус на акустику, а вечеринка, разворачивающаяся внутри, звучала так же дорого, как и этот дом. Я нашла дверь 7501 и нажала на звонок. Тишина. Постучала. Снова ничего.

Дрожащими пальцами я набрала номер матери. Она ответила только после пятого гудка. На фоне слышался громкий смех, отчетливый звон стекла и какая-то пульсирующая музыка.

— Здравствуй, детка. Как ты? — её голос был легким, как пузырьки дешевого шампанского, хотя я знала, что Вивиан пьет только самое дорогое.

— Мама... где ты? Я стою у твоей двери. В Хадсон-Ярдс.

Пауза. Музыка на фоне стала чуть тише, но смех не прекратился. — О чем ты говоришь, дорогая? Где ты стоишь?

— В коридоре, мама. Перед твоей квартирой. Я ведь писала тебе три дня назад, что прилетаю двадцать первого в десять вечера. Ты сказала, что будешь дома. Помнишь?

— О-о-о... — выдохнула Вивиан, и в её голосе прозвучало то самое поверхностное, театральное раскаяние, которое я знала слишком хорошо по редким встречам в детстве. — Детка, прости! Я совершенно потерялась в датах. Мы с подругами решили выбраться в загородный

дом Лидии на выходные, тут так чудесно, воздух просто изумительный. Я была уверена, что сегодня еще двадцатое. Мои часы, видимо, живут своей жизнью...

Внутри что-то мелко задрожало от обиды, которую я так старательно пыталась подавить все эти годы. Пятнадцать лет — и ничего не изменилось. Я всё еще была пунктом в её списке дел, который она постоянно забывала вычеркнуть.

— И что мне теперь делать? — мой голос прозвучал суше, чем мне хотелось бы. — Я с чемоданом и скрипкой стою в пустом коридоре.

— Слушай, я сейчас же вызову такси и приеду! Это займет часа полтора, может, два, если на мосту пробки. Спустись на первый этаж, подожди меня в холле, там отличные дизайнерские диваны, Лео предложит тебе кофе...

— Нет, — быстро перебила я, вспомнив масляную улыбку консьержа и то, как он смотрел на мои ноги. — Я подожду здесь, на этаже. На чемодане.

— Как тебе угодно, дорогая, — легко, слишком легко согласилась она. — Скоро буду. Целую!

Послышались короткие гудки. Я медленно опустила телефон. Коридор был бесконечным, зеркально чистым и абсолютно чужим. Сил стоять больше не было — я опустила чемодан горизонтально и бессильно села на него, вытянув уставшие ноги. Достала из сумки бутылку воды, но в ней осталось совсем на дне — едва хватило на один глоток, который не принес облегчения, только подчеркнул сухость в горле.

Я чувствовала себя полностью раздавленной. Чтобы не разрыдаться прямо здесь, под прицелом камер видеонаблюдения, я достала наушники, накинула их на голову и включила Баха — «Партита №2». Чистая, строгая математика звуков всегда была моей личной терапией.

Я прислонилась затылком к холодной, идеально ровной стене и закрыла глаза. Скрипка в наушниках резала тишину моего сознания своей безупречной логикой. В этой музыке не было места случайностям, забытым датам или невыполненным обещаниям. Каждая нота знала своё место. Каждое движение смычка было оправдано.

Жаль, что я не могла сказать того же о своей жизни.

Нью-Йорк за панорамными окнами в конце коридора переливался миллионами огней, обещающая успех и признание, но здесь, на семьдесят пятом этаже, я чувствовала себя так, будто меня заперли в дорогом склепе. Вивиан... Я ведь знала. Глубоко внутри, под слоями детских мечтаний и сохраненных в памяти редких открыток, я знала, что всё будет именно так. Она не изменилась, а лишь отполировала своё умение быть очаровательно безответственной. Она не «потерялась в датах». Она просто не нашла места для меня в своём графике, где между коктейлями и примерками не осталось ни одной свободной минуты для дочери, которая пролетела через всю страну.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы мелко дрожали — гремучая смесь усталости, гнева и страха перед неизвестностью. Я столько лет доказывала отцу, учителям, самой себе, что я справлюсь, что я достаточно взрослая и сильная. Но сейчас, сидя на чемодане среди этого безмолвного торжества мрамора и латуни, где каждый метр пространства кричал о своей недостижимости, я снова чувствовала себя той пятилетней девочкой, которую оставили в прихожей ждать, пока мама «уладит свои дела».

Я поправила наушники, прибавляя громкость. Мне нужно было это одиночество. Мне нужно было это чувство злости, чтобы не дать слезам выплеснуться наружу. Потому что если я сейчас дам слабину, этот город пережует меня и выплюнет обратно в Калифорнию до того, как я успею расчехлить свой Гваданини.

Я снова закрыла глаза, пытаюсь раствориться в звуках струн. Пытаюсь представить, что я уже на сцене, что этот холодный коридор — лишь затянувшиеся кулисы перед моим самым важным выходом. Я — Эстер Голдман. Я приехала сюда не за материнским теплом, которого никогда не было, а за совершенством. И я его получу.

Глава 3. Лиам

Music on: Otis Redding — I've Been Loving You Too Long

Лед в моем стакане давно растаял, превратив остатки «Макаллана» в бледно-золотистую, безвкусную жидкость. В гостиной стоял плотный, уверенный гул — около пятнадцати человек рассредоточились по моему новому дому, превращая стерильную квартиру в филиал закрытого клуба.

Я чувствовал, как внутри закипает холодное бешенство, которое я тщательно маскировал под маску гостеприимного хозяина. Этот прием не был моей идеей. Джулиан Локвуд, в своей извечной манере «семейного» покровительства, отдал распоряжение моей ассистентке Ханне устроить это собрание, даже не потрудившись спросить моего согласия.

«Лиам, старик, — прозвучал его голос в моей голове, когда я увидел первые корзины с кейтерингом, — город должен знать, что Монро здесь и он голоден. Нам нужны не просто иски, нам нужны их рукопожатия. Дай им понять, что ты приехал надолго. Считай это моим подарком на новоселье».

Подарок пах дорогим парфюмом, чужим смехом и шорохом шелка, который осквернял тишину моего убежища. Это был специфический шум: звон хрусталя и сухие обсуждения сделок, которые завтра изменят котировки на бирже.

Я обвел взглядом присутствующих.

В центре диванной зоны вальяжно расположился Кристофер Стерлинг — живое доказательство моей профпригодности. Пять лет назад я вытащил его из-под катка федерального расследования, найдя лазейку в процессуальных нарушениях при обыске. Ему светило десять лет, но сегодня он пил мой виски и считал меня своим личным оракулом.

Чуть поодаль Диана Вонг, один из самых острых ассоциатов нашей фирмы, в полголоса спорила с Лукасом Грантом. Диана была воплощением амбиций — холодная, с хваткой буль-терьера. Когда она подходила ко мне, чтобы «уточнить детали», её пальцы как бы случайно задерживались на моем предплечье чуть дольше, чем того требовал деловой этикет. Я ловил её короткие, оценивающие взгляды. Диана была красива той хищной, выверенной красотой, которая идеально смотрелась бы на простынях в моей спальне, но я не собирался менять «погоду в офисе» ради мимолетного импульса. Смешивать секс с юриспруденцией в рамках одного кабинета — это всегда плохой контракт с непредсказуемыми издержками.

У окна сгрудились представители «Глоуб Инвест» — четверо мужчин в костюмах стоимостью в небольшую яхту. Рядом с ними крутился Роберт Хейз, один из лучших лоббистов города. Моя квартира была полна людей, чьи решения управляли рынком, но мне хотелось лишь одного — чтобы они исчезли.

В углу кухни, словно бесшумный и идеально настроенный механизм, двигалась Ханна. Она следила за тем, чтобы этот процесс не давал сбоев: вовремя меняла подносы, контролировала уровень напитков и сохраняла ту дистанцию, которую я ценил превыше всего. В её присутствии хаос вечера превращался в структурированный алгоритм.

— Лиам, этот аквариум — как раз в твоём духе, — Кристофер подошел ко мне, слегка покачивая бокалом. Он обвел рукой панорамное остекление. — Но скажи честно, Огайо стало слишком тесным или ты просто решил, что Нью-Йорку не хватает твоего оскала?

— Город не скучает по людям. Он их переваривает, — ответил я, пригубив виски. — Я здесь, чтобы убедиться, что наши интересы не окажутся в меню у конкурентов.

— И никакой личной жизни? — Стерлинг хитро прищурился, заметив, как Диана снова прошла мимо, едва коснувшись моим плечом своим. — Здесь полно хищниц, Монро. Тебе понадобится кто-то, кто будет держать тыл.

— Мой тыл обеспечивают системы безопасности и надежный сейф, — я ответил ровно, даже не взглянув в сторону Дианы. — Всё остальное — лишь переменные, которые только усложняют уравнение. Я приехал сюда работать, Кристофер, а не искать вдохновения в брачных контрактах.

К полуночи гости наконец начали расходиться. Квартира постепенно возвращала себе первоначальную стерильность. Я допил остатки виски и поставил стакан на столешницу. Ханна тут же материализовалась рядом, подхватив его. Алкоголь приятно расслабил мышцы, но внутри всё еще тлело раздражение на Локвуда.

— Ханна, накрути климат-контроль на пару градусов ниже, нужно выветрить этот запах чужих амбиций, — произнес я, не оборачиваясь, и направился в сторону кабинета. — На сегодня вы свободны. Остальное уберет клининг.

Я скрылся за дверью, оставив ее в тишине пустой гостиной. Мне нужно было буквально пару минут, чтобы смыть с себя ощущение этого вечера. Достав из ящика стола подготовленный заранее конверт, я вернулся обратно. Ханна уже стояла у выхода, поправляя ремешок сумки.

— Климат установлен, мистер Монро. До завтра, — спокойно произнесла она.

— Подождите, — я подошел и протянул ей конверт. — Здесь бонус за сверхурочные и за то, что выдержали этот хаос. Вы отлично справились.

— Благодарю, сэр. До восьми утра, — она приняла гонорар без лишних эмоций и направилась к лифту.

Я проводил её до двери, намереваясь повернуть замок и наконец-то погрузиться в тишину. Но когда Ханна перешагнула порог, и я уже готов был захлопнуть створку, мой взгляд зацепился за нечто абсолютно инородное в моем безупречном, пустом коридоре. Напротив, у двери 75-01, я увидел её.

Она сидела на большом черном чемодане, прислонившись затылком к холодной стене. Рядом замер футляр скрипки, а на голове тускло поблескивали серебристые наушники. Но не это приковало мой взгляд. Её волосы — тяжелое, расплавленное золото — спускались ниже груди, контрастируя с легким загаром кожи. Платье цвета шафрана едва прикрывало идеальные изгибы тела и бесконечно длинные ноги, которые в этом пустом коридоре казались воплощением запретного искушения.

Я замер, завороченный странным зрелищем. Её левая рука, прижатая к плечу, совершала мелкие, едва заметные вибраторные движения кистью, а голова была слегка наклонена влево, словно она всё еще прижимала подбородник невидимого инструмента. Эта профессиональная привычка, эта телесная память скрипачки выглядела так интимно, что я почувствовал себя невольным соглядатаем.

Взгляд скользнул ниже. На дорогой коже чемодана, прямо под рукояткой, тускло поблескивала небольшая металлическая пластина с лаконичной золотистой гравировкой: «GOLDMAN». Я перевел взгляд на стоящий рядом жесткий футляр скрипки. На его замке, выполненном из латуни, сияла точно такая же, безупречно нанесенная золотистая надпись. Чуть ниже на ручке чемодана болталась бирка авиакомпании: «SFO — JFK».

Значит, это и была та самая мисс Голдман, про которую говорила Капур. Та самая «партия».

Я наблюдал за ней, застыв в проеме двери, пока музыка в её наушниках, судя по всему, не прекратилась. Девушка медленно открыла глаза, опустив их на телефон, лежащий на её коленях, а затем, словно почувствовав чужое присутствие, подняла взгляд на меня.

В этот момент мир вокруг окончательно перестал существовать. Её глаза были редчайшего, почти невозможного цвета — золотисто-желтые, с глубоким карим отливом, напоминающие драгоценный янтарь на солнце. Она медленно сняла наушники и выпрямилась, заставляя себя сбросить оцепенение. В этом движении, в том, как она расправила плечи и вскинула

подбородок, проступила неожиданная, почти аристократическая жесткость, которая никак не вязалась с её помятым платьем и кедами.

— Мисс Голдман? — мой голос прозвучал тише обычного, теряя свою привычную власть.

— Верно, — ответила она, и в её голосе не было ни капли робости.

— Я могу вам помочь? — я сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию.

— Я лишь жду кое-кого, — она на мгновение отвела взгляд. — Я вас смущаю? Извините. Я бы могла подождать внизу... но тот парень, Лео, меня раздражает.

Она устало схватилась за переносицу и на секунду закрыла глаза. Я перевел взгляд на пол — пустая пластиковая бутылка воды сиротливо лежала возле чемодана. В этот момент я понял: вот он, тот самый элементарный крючок. Жажда — плохой союзник для гордости, и я собирался этим воспользоваться. Эта девушка была неожиданным и крайне весомым аргументом, который жизнь сама подбросила к моему порогу. Было бы непрофессионально не изучить этот кейс поближе.

— Вы бы могли подождать у меня, — произнес я, ловя её удивленный взгляд. — Конечно, если вы переживаете за свою безопасность — просто уведомьте того, кого ждете, что вы находитесь в квартире напротив. И извините, я не представился. Лиам Монро.

Я сделал шаг вперед и протянул ей руку. Она посмотрела на мою ладонь, затем медленно подняла глаза на мое лицо, словно взвешивая все риски. Наконец, она поднялась с чемодана, грациозным жестом расправила смявшееся платье и вложила свои тонкие пальцы в мою руку.

— Эстер, — произнесла она, и это имя прозвучало как тихий, но уверенный аккорд.

— Эстер... — я повторил его медленно, пробуя на вкус мягкое «с» и твердое «т», словно дегустировал редкий сорт коллекционного вина.

Мы невольно улыбнулись друг другу — странная, спонтанная улыбка двух незнакомцев в пустом коридоре ночью. Она долго смотрела на наши переплетенные руки: моя — крупная, привыкшая сжимать ручку и стаканы с виски, и её — узкая, сильная рука музыканта. В какой-то момент она мягко отстранилась, словно испугавшись возникшего электричества.

— Вижу, у вас был долгий перелет, — я кивнул на чемодан. Она обернулась на свой багаж и коротко кивнула, в её глазах снова промелькнула тень усталости. — Могу я предложить вам бокал холодного вина? Или...

— Просто воды, пожалуйста, — перебила она, и в её голосе послышалась жажда, которую я был готов утолить прямо сейчас.

Я отступил, пропуская её в свою стерильную крепость. Эстер шагнула вперед, и только тогда, словно повинувшись инстинкту, обернулась, подхватила футляр скрипки и перекинула ремень через плечо. Судя по тому, как крепко её пальцы вцепились в кожаную ручку, она не рассталась бы с ним даже под страхом смерти.

Я плотнее притворил массивную дверь, когда Эстер переступила порог. В ту секунду, когда она прошла совсем рядом, я невольно уловил шлейф её аромата — это не был приторный парфюм; в воздухе на мгновение завис сложный аккорд горького миндаля и теплой карамели. Запах, который в выверенном пространстве моей прихожей казался почти вызывающим — живым и слишком «домашним».

Она двигалась с той специфической грацией, которая присуща только людям искусства: мягко, но с абсолютным осознанием каждой пяди занимаемого пространства. Футляр скрипки на её плече выглядел не как багаж, а как продолжение позвоночника.

— Извините за этот легкий флёр хаоса, — я жестом пригласил её пройти вглубь гостиной. — Мои гости покинули квартиру буквально десять минут назад. Нечто вроде импровизированного новоселья, которое мой партнер по фирме организовал с избыточным, я бы сказал, театральным энтузиазмом.

Эстер остановилась у панорамного окна, на мгновение завороченно глядя на рассыпанные внизу огни, а затем обернулась. Свет люстры мягко скользнул по золоту её волос, рассыпавшихся по плечам.

— Так вы недавно в Нью-Йорке, мистер Монро? — она произнесла мою фамилию с той безупречной, вежливой легкостью, которая обычно встречается лишь в закрытых клубах. — Или просто решили сменить декорации на те, что больше соответствуют вашему статусу?

Я подошел к кухонному островку из темного мрамора. Здесь всё еще стояло несколько чистых хрустальных бокалов и ряд нераспечатанных бутылок, поблескивающих в приглушенном свете ламп.

— Скорее, я совершил необходимый круг по спирали, возвращаясь туда, где должен быть, — я достал бутылку ледяной минеральной воды, чувствуя, как её взгляд внимательно изучает мой профиль. — Я не гость в этом городе и уж точно не новичок, который приехал «покорять» Таймс-сквер. Нью-Йорк — это жесткий механизм, Эстер. Я лишь вернулся к рычагам управления, которые когда-то оставил без присмотра.

Я наполнил бокал и протянул его ей. Наши пальцы снова на мгновение соприкоснулись.

— Знаете, в юриспруденции, как и в высокой музыке, важна не громкость заявления, а точность выбранной тональности. Мой переезд — это не поиск приюта, это стратегическая корректировка позиций в большом бизнесе.

— Значит, вы юрист? — она спросила это прямо, слегка склонив голову набок. В её взгляде промелькнула искра узнавания. — Это объясняет вашу... дотошность в формулировках. Вы говорите так, будто каждое ваше слово уже заверено нотариусом и не подлежит обжалованию.

Я невольно усмехнулся. Она была чертовски проницательна.

— Скажем так: я предпочитаю ясность. В моем мире неверно понятое слово может стоить несколько миллионов долларов. Лиам Монро, старший партнер фирмы, чье название заставляет людей либо выпрямлять спину, либо нервно проверять счета. Но сегодня я просто человек, который пытается выветрить из своего дома запах чужой лести.

Я оперся ладонями о край мраморного острова, глядя на неё.

— А вы, Эстер? Судя по тому, как бережно вы держите этот футляр, вы не из тех, кто согласен на вторые скрипки в этом оркестре под названием Нью-Йорк. Где в этом городе можно услышать вашу игру? Или вы предпочитаете только закрытые залы и избирательную публику?

Она сделала глоток воды, и я заметил, как её горло дрогнуло — изящное, почти беззащитное движение, контрастировавшее с её холодным самообладанием.

— В Нью-Йорке нет смысла играть, если ты не готов вести за собой весь оркестр, — она произнесла это без вызова, почти буднично, глядя на огни города. — В «The Heights» специфическая акустика. Там не прощают дилетантов, но тем, кто знает дело, позволяют диктовать свои условия. Я не привыкла быть просто «одной из». Мой смычок — это скальпель, и я здесь для того, чтобы делать безупречные надрезы.

Я пригубил виски, наблюдая за ней. У неё не было этого характерного студенческого взгляда — суетливого, ищущего одобрения. Так смотрят те, кто привык к сольным контрактам и к тому, что под их график подстраивают репетиции. Она сидела на своем чемодане с таким видом, будто это не она приехала в Нью-Йорк, а город наконец-то дождался её прибытия.

— Манхэттенская Высшая Школа Искусств, — я медленно кивнул, пробуя название на вкус. — Кузница гениев. Говорят, входной билет туда стоит дороже, чем вся жизнь большинства людей в этом городе. Значит, вы предпочитаете игру на поражение. Это интригует. В Нью-Йорке много шума, но слишком мало тех, кто умеет обращаться со «скальпелем», не дрогнув.

Я сделал паузу, позволяя тишине между нами стать плотнее.

— Однако, Эстер, даже самым амбициозным концертмейстерам иногда приходится ждать. Капур упоминала, что вы ведете уединенный образ жизни, но час ночи в коридоре на чемодане... Это выбивается даже из самого эксцентричного графика.

Я сделал небольшую паузу, внимательно наблюдая за тем, как она делает глоток воды.

— Тот, кого вы ждали, — кем бы он ни был, — должен обладать дьявольской самоуверенностью, чтобы заставить вас ждать так долго. Должно быть, это кто-то крайне значимый, раз вы предпочли оказаться заложником чужой необязательности под закрытой дверью.

Я намеренно не уточнял статус этого человека, оставляя вопрос открытым. Мне нужно было, чтобы она сама заполнила эту пустоту. Одно имя, одна интонация — и я бы понял, кто распоряжается её временем. Но Эстер лишь медленно опустила бокал, и её лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Время — относительная величина, — ответила она, и в её голосе прозвучала едва заметная, горькая нота. — Иногда ожидание — это просто часть партитуры, которую ты не в силах переписать. А тот, кого я ждала... скажем так, у него свои отношения с пунктуальностью.

Она мастерски ушла от прямого ответа, скрыв личность за очередной музыкальной аналогией. Но эта «горькая нота» в её голосе была для меня ценнее любого имени. Умная девушка. Она не назвала его, но признала, что существует кто-то, чью небрежность она вынуждена принимать как данность.

Я видел, как она на мгновение задержала взгляд на моих руках, лежащих на мраморе, и в этом жесте было что-то неосознанное, почти магнетическое. Ночь за окном пульсировала огнями, и я понимал, что этот разговор — лишь тихие первые аккорды перед чем-то грандиозным.

— Ожидание — это удел тех, у кого нет альтернативы, — произнес я, подходя к ней чуть ближе. — Но сейчас вы здесь. И я не привык мириться с чужими заминками. Если ваш вечер зашел в тупик в коридоре, возможно, стоит позволить этой ночи пойти по совершенно иному сценарию?

Эстер не ответила сразу. Она медленно обвела взглядом мою гостиную — холодный камень, панорамное остекление и безупречный порядок, который еще не успел стать уютным домом. В этом пространстве она в своем легком платье и с растрепанными золотыми волосами выглядела как вызывающий мазок яркой краски на сером холсте.

— Иной сценарий? — она чуть приподняла подбородок, и в этом жесте было столько же вызова, сколько и любопытства. — Юристы вашего уровня обычно не предлагают сценариев без четко прописанных условий и штрафных санкций за выход из роли.

Я сократил расстояние еще на шаг. Теперь я чувствовал не только аромат карамели, но и то самое «электричество», которое вибрировало между нами, заставляя воздух казаться густым и вязким.

— В юриспруденции это называется форс-мажором, — мой голос стал тише, приобретая ту опасную мягкость, которую я обычно приберегал для финальных аргументов в суде. — Непредвиденное обстоятельство, которое аннулирует все предыдущие договоренности. Вы оказались в моем коридоре, я оказался за дверью. Все, что было до этого момента, — лишь прелюдия. Настоящая пьеса начинается сейчас.

Я кивнул на полупустые бутылки на острове.

— Мои гости пили «Вдову Клико» и обсуждали котировки. Скучно до зубовного скрежета. Но у меня в баре есть бутылка старого порто, который помнит еще те времена, когда в этом городе умели держать слово.

Я дождался, пока она посмотрит на меня, и в моей улыбке впервые за вечер не было холодного расчета.

— Обычная вода хороша для утоления жажды, но она не поможет сбросить напряжение после времени, проведенного на чемодане. Если вы готовы сменить гнев на милость и продол-

жить наше знакомство в более неформальной обстановке, я обещаю быть менее официальным. В конце концов, допросы за полночь — это дурной тон, даже для адвоката.

Эстер посмотрела на бокал в своих руках, затем на меня. В её янтарных глазах отразилось сомнение, которое тут же сменилось азартом. Она была игроком — я видел это по тому, как она держала спину, по тому, как не отводила взгляд.

— Порто звучит... как нарушение протокола, — она поставила пустой бокал на мрамор и чуть коснулась пальцами края столешницы. — Но я никогда не любила предсказуемые финалы. Скажите мистер Монро, вы всегда так настойчиво предлагаете убежище незнакомкам? Или это часть вашего «стратегического переезда»?

— Я предлагаю убежище только тем, чье присутствие обещает быть интереснее, чем мое одиночество, — я достал два тяжелых бокала и бутылку темного стекла. — А вы, Эстер, кажетесь мне самой интригующей фигурой в этом интерьере с тех пор, как я переступил порог этой квартиры.

Я наполнил бокалы, и густой, рубиновый аромат винограда и дуба заполнил пространство между нами.

Я протянул ей бокал, и наши пальцы снова соприкоснулись — на этот раз осознанно и чуть дольше, чем того требовали приличия. Её кожа была прохладной, но в этом коротком контакте я почувствовал резкое, почти осязаемое напряжение, будто она на мгновение затаила дыхание. Она не отдернула руку, принимая этот негласный вызов, и это секундное давление её пальцев на мои сказало мне о её готовности к игре больше, чем любая из её колких фраз.

— За отсутствие предсказуемых финалов, Эстер, — произнес я, слегка коснувшись своим бокалом её хрусталя. Тонкий, чистый звон повис в воздухе.

Она сделала глоток, не сводя с меня своих янтарных глаз. Никакого пафоса, только прямое, изучающее любопытство.

— А вы не экономите на гостеприимстве, — она чуть качнула бокалом, наблюдая, как тяжелые рубиновые капли стекают по стенкам. — У этого порто сложный характер. Он терпкий, властный и... совершенно не признает компромиссов. Превосходный антидот против бесконечного дня, который слишком долго испытывал моё терпение на прочность.

Она отошла от кухонного острова и медленно направилась к панорамному окну. В этом простом платье на фоне ночного мегаполиса она выглядела как дерзкий вызов всему моему упорядоченному миру.

— Значит, вы решили, что я нуждаюсь в «ином сценарии»? — она обернулась, оперевшись поясницей о подоконник. Свет города за её спиной создавал нимб вокруг золотых волос. — Юристы обычно не делают благотворительных жестов. Каковы ваши скрытые мотивы, мистер Монро? Или вы просто надеетесь, что я не буду репетировать в два часа ночи за вашей стеной?

Я усмехнулся и подошел ближе, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки.

— Мои мотивы эгоистичны до предела, — я не сводил с неё взгляда. — Я ненавижу скуку. А этот вечер обещал быть именно таким, пока я не открыл дверь и не увидел женщину, которая смотрит на пустой коридор так, будто это сцена Карнеги-холла. Это интригует. А я всегда готов щедро платить за то, что меня интригует.

— И какова же ваша ставка? — Эстер приподняла бровь, и в её взгляде мелькнула опасная искра. Она явно не боялась принимать вызов.

— Моё самое дефицитное время и порто, который вы не найдете ни в одном ресторане города, — ответил я, и мой голос стал тише. — Взамен я попрошу лишь одну валюту. Вашу честность. Без этих светских эквивалентов и масок «хорошей соседки». Расскажите мне, Эстер... Как вышло, что человек с такой выправкой и такими амбициями позволяет кому-то заставлять себя ждать в коридоре? Это ведь не в вашей партитуре, верно?

Она на мгновение замолчала, глядя в свой бокал. На её лице промелькнула тень — не слабости, а скорее досады на ситуацию, которую она не могла контролировать.

— В партитуре иногда случаются опечатки, — она снова посмотрела на меня, и в её глазах заплясали чертики. — Но вы правы, ждать — это не мое амплуа. Я предпочитаю брать то, что мне нужно, не дожидаясь приглашения. Как, например, этот порто.

Она сделала еще один глоток, затем чуть качнула бокал, заставляя густую жидкость коснуться краев.

— Вы сказали, что прелюдия закончилась и начинается пьеса. Так какой у вас план? Будете и дальше препарировать мою жизнь своими умными вопросами или предложите что-то более... импровизационное?

Я сократил расстояние между нами до минимума. Запах миндаля и карамели теперь смешивался с густым ароматом вина, и этот коктейль бил в голову похлеще любого алкоголя.

— Я предпочитаю импровизацию, где правила создаются в процессе, — я протянул руку и почти невесомо коснулся пряди её волос. — И сейчас мне чертовски интересно узнать, на что способна ваша «стихия», когда ей не нужно соответствовать стандартам *The Heights*.

Эстер не отстранилась. Напротив, она чуть подалась вперед, и я почувствовал тепло её тела сквозь тонкую ткань платья.

— Моя стихия может быть разрушительной, мистер Монро. Вы уверены, что ваши стены к этому готовы?

— Стены можно перекрасить, — ответил я, глядя прямо в её губы. — А вот такую ночь повторить невозможно.

Мы стояли в полумраке, отрезанные от всего мира этажами высоты, и я понимал, что эта девушка — самое рискованное приобретение в моей жизни. Ночь за окном пульсировала, и тишина в квартире стала настолько плотной, что её, казалось, можно было коснуться рукой.

Глава 4. Эстер

Music on: Celeste — This Is Who I Am

Я сделала глоток вина, чувствуя, как терпкая сладость обжигает горло, но настоящий жар шел вовсе не от алкоголя. Он исходил от мужчины, стоявшего вплотную ко мне.

Лиам Монро был, без преувеличения, самым красивым мужчиной, которого я видела в своей жизни. И это не была та приторная, кукольная красота калифорнийских мальчиков, к которой я привыкла в Сан-Франциско. В нем чувствовалась порода, опасная зрелость и тяжелый, почти осязаемый магнетизм. Его темные, густые волосы были слегка тронуты беспорядком, а на лице темнела плотная, идеально ухоженная щетина, придававшая его облику хищную огранку.

Но больше всего меня парализовали его глаза. Зеленые, цвета глубокого лесного мха, они смотрели на меня с такой невыносимой пронизательностью, что по коже пробегал озноб.

Когда он сократил расстояние до минимума, весь остальной мир просто перестал существовать. Я чувствовала, как его пальцы почти невесомо коснулись пряди моих волос. Это прикосновение было как короткое замыкание. Я замерла, боясь вздохнуть, и мой взгляд невольно скользнул по его руке. Сильное предплечье с четко прорисованными венами под засученным рукавом белой рубашки... Верхние пуговицы были расстегнуты, открывая вид на совсем немного темных волос на груди — деталь, от которой пульс застучал где-то в висках.

Я опустила глаза ниже. Темно-серые брюки сидели на нем безупречно, а на ногах поблескивали кожаные оксфорды John Lobb. Обувь человека, который привык к лучшему во всем.

Только когда он назвал мою фамилию, а после еще и упомянул, что недавно переехал, пазл в моей голове наконец сложился.

Он думает, что я — это она.

Он спутал меня с матерью. Очевидно, он знал лишь фамилии своих соседей, и в его представлении «мисс Голдман» никак не могла быть двадцатилетней студенткой. В его глазах я была взрослой женщиной, загадочной и состоявшейся личностью.

Внутри меня вспыхнуло острое, почти болезненное любопытство. Эта невинная ложь, родившаяся из случайного недоразумения, пьянила сильнее, чем старый порто. Мне до дрожи захотелось проверить, насколько долго я смогу удерживать его внимание этой вымышленной ролью. Я никогда в жизни не общалась так близко с мужчинами его возраста. С теми, кто пахнет дорогим табаком, сандалом и абсолютной властью.

И это безумно меня возбуждало. То, что он видел во мне интригующую женщину, а не «талантливую девочку», питало во мне какое-то первобытное, темное желание.

— Моя стихия может быть разрушительной, Лиам. Вы уверены, что ваши стены к этому готовы? — мой голос прозвучал тише, чем я планировала, приобретая ту самую бархатную глубину, которую я обычно приберегала для самых сложных пассажиров.

Я чуть подалась вперед, чувствуя тепло его тела сквозь тонкую ткань своего платья. Расстояние между нами сократилось до опасного предела.

— Стены можно перекрасить, — ответил он своим низким, вибрирующим голосом, глядя прямо в мои губы. — А вот такую ночь повторить невозможно.

Я смотрела в его зеленые глаза и понимала: мне плевать, к чему приведет этот обман. Мне хотелось посмотреть, насколько далеко он готов зайти, видя во мне ту, кем я не являюсь. И насколько далеко готова зайти я сама, впервые в жизни почувствовав себя не объектом опеки, а желанной добычей.

Я намеренно не отводила взгляда, позволяя тишине в квартире стать настолько плотной, чтобы её можно было коснуться рукой. В этот момент я была готова разрушить любые его стены. И свои собственные — тоже.

Я не выдержала его взгляда — слишком тяжелого, слишком знающего — и медленно опустила веки, пытаюсь перевести дыхание. В ту же секунду его пальцы, еще мгновение назад перебиравшие мои волосы, исчезли. Контакт оборвался так внезапно, что я едва не открыла глаза от разочарования, но тут же почувствовала его ладонь на своем бедре — тяжелую, горячую и собственническую.

Я вздрогнула, сильнее вжимаясь лопатками в холодное стекло окна. Ткань платья казалась слишком тонкой, почти прозрачной под этим обжигающим жаром. Но Лиам не остановился — он начал медленный подъем вверх. Дюйм за дюймом, его пальцы прокладывали путь по моему животу, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться. Я чувствовала каждое касание: легкое, дразнящее, оно оставляло за собой шлейф из мурашек. Когда рука Лиамы поднялась к ребрам, я перестала дышать. Кончики его пальцев едва задели очертания груди, и мое тело отозвалось мгновенно. Соски стали настолько твердыми, что их очертания отчетливо проступили сквозь легкий шелк, выставляя мое возбуждение напоказ.

Лиам не сводил с меня взгляда своих лесных, потемневших глаз. Он видел всё. Его рука скользнула выше, к шее, большой палец мягко очертил линию челюсти, а затем он взял меня за подбородок. Его хватка была властной, не терпящей возражений. Мое дыхание стало рваным, прерывистым, когда он надавил большим пальцем на мою нижнюю губу.

Я послушно приоткрыла рот, глядя прямо в его дикие, горящие глаза. Лиам медленно просунул палец между моих губ. Я почувствовала вкус его кожи — соленоватый, мужской, дурманящий. Я не просто позволила ему это; я сжала его палец, надавливая языком, исследуя его текстуру. Этот интимный, влажный звук в тишине кухни стал детонатором.

Лиам резко выдохнул и прижался ко мне всем телом. Я почувствовала его — твердого, напряженного. Его член уперся в мой живот, и этот контакт заставил мои колени подогнуться. Вторая рука с силой обхватила мою талию, впиваясь пальцами в кожу. Он медленно вытащил палец изо рта, его взгляд на секунду замер на моих влажных губах, а в следующее мгновение он припал к ним в агрессивном, жадном поцелуе. Бокал в моей руке разжался и с глухим, тяжелым стуком упал на пол, но я этого почти не заметила. Я обвила его шею руками, прижимаясь к нему всем существом, терлась о его бедра, пытаюсь унять тот зуд, что затаился в самом низу. Из моей груди вырвался надрывный стон.

Лиам подхватил меня под бедра, отрывая от пола и еще плотнее вжимая в холодное панорамное стекло. Контраст ледяной поверхности и обжигающего жара его тела выбил остатки кислорода из легких. Его ладони спустились ниже, до боли сминая мою попку, а затем пальцы начали медленно, мучительно уверенно пробираться под край моих трусиков. Ткань была уже насквозь мокрой.

Лиам издал глухой, звериный рык, когда почувствовал мою влажность. Внизу живота все натянулось в тугую струну, пульсируя от невыносимого давления. — Пожалуйста... — простонала я, не узнавая собственный голос.

Он не стал ждать. Сорвавшись с места, он понес меня в спальню, не прерывая поцелуя. Мы ввалились в комнату, где горел лишь приглушенный свет ночников. Спина коснулась мягкого покрывала, и он тут же навис сверху. Его глаза были совершенно дикими.

Лиам начал расстегивать свою белую рубашку с лихорадочной спешкой, которую я никогда не ожидала увидеть у этого выдержанного мужчины. Пуговицы вылетали из петель, и он просто сбросил ткань на пол, обнажая свои широкие плечи и рельефную грудь. Он опустился на меня, его руки бесцеремонно стянули бретельки моего платья вниз, оголяя грудь.

Я вздохнула, когда его язык коснулся соска, а затем он полностью захватил его ртом, засасывая глубоко и жадно. Я выгнулась дугой, обхватывая его бедра ногами, инстинктивно

ища хоть какое-то трение. Казалось, если он сейчас не дотронется до моей сердцевины, я просто сгорю изнутри. Давление стало критическим — одно движение, одно касание там, где всё уже плавилось от жара, и я бы кончила, просто выкрикнув его имя в потолок этой чужой, ставшей вдруг такой тесной спальни.

Мое тело пульсировало, отвечая на каждое прикосновение Лиама. Жар, исходящий от него, смешивался с прохладой шелкового покрывала под моей спиной, создавая безумный контраст. Я чувствовала, как его руки медленно скользнули вниз по моим бедрам, собирая ткань платья, оголяя их.

Он все еще терзал мою грудь губами, заставляя меня выгибаться дугой, когда его пальцы дотронулись до самого центра моего желания. Даже сквозь мокрую, липкую ткань трусиков это прикосновение было невыносимо острым. Слишком много. Слишком хорошо.

Я задохнулась, закинула голову назад и зажмурилась. Одна моя рука инстинктивно впилась в его густые темные волосы, сжимая их у корней, а другая судорожно скомкала ткань покрывала под собой.

Наслаждение накрыло меня не просто волной — это был взрыв. Яркая, ослепительная вспышка, за которой последовало теплое, обжигающее чувство, растёкшееся по всему телу. Я задрожала, полностью отдаваясь этому первобытному, чистому экстазу.

Когда шторм внутри чуть утих, и я снова начала ловить ртом воздух, я услышала его негромкий, вкрадчивый смешок. Лиам все еще нависал надо мной, придавливая своим весом к шелку, но когда я открыла глаза, то увидела, что его голова больше не была опущена к моей груди. Он поднял на меня свой взгляд.

Лиам смотрел мне прямо в лицо, и в его зеленых глазах, потемневших от страсти, плясало торжество. Я сморщилась, пытаюсь справиться с нахлынувшей негой и острым чувством собственной обнаженности под его взором.

— Кажется, в вашей партитуре не было предусмотрено сольное выступление, мистер Монро? — мой голос прозвучал сдавленно, но я изо всех сил старалась сохранить ту самую интонацию, к которой мы привыкли. — Или вас так веселит несовершенство чужой техники исполнения?

Лиам медленно покачал головой, не сводя с меня взгляда. Усмешка исчезла, сменившись чем-то более глубоким и опасным.

— Техника безупречна, Эстер. Меня веселит лишь то, с какой легкостью вы готовы разрушить собственные стены, когда тональность выбрана верно, — он сделал небольшую паузу, пробуя мои слова на вес. — Вы прекрасны, когда... достигаете апогея. Вы ведь знали это? Такая невинная, такая сладкая... и такая готовая к капитуляции.

Я приподнялась на локтях, чувствуя, как внутри закипает азарт. Эта игра затягивала меня всё глубже. То, что он видел во мне равную, способную на такие эмоции, возбуждало сильнее любого прикосновения.

— Кажется, мы только что договорились о смене тональности, — я чуть склонила голову набок, глядя на него снизу вверх. — Но я не привыкла к полумерам. Если этот акт действительно только начался, Монро... вы собираетесь закончить начатое?

Лиам усмехнулся снова — на этот раз шире и опаснее. Он поднялся с кровати, возвышаясь надо мной в полумраке комнаты. Я закусила губу, наблюдая, как его пальцы скупым, привычным жестом легли на пряжку ремня.

Я села на край постели и, не сводя с него глаз, одним движением стянула кеды вместе с носками, отбрасывая их в сторону. Лиам, принимая этот безмолвный вызов, коротким движением сбросил туфли. В тишине раздался едва слышный щелчок расстегнутого металла — он не спешил, просто обозначал следующий шаг, сохраняя ту мучительную уверенность, которая заставляла моё сердце биться быстрее.

Когда он наконец избавился от оставшейся одежды, у меня перехватило дыхание. Лиам Монро был безупречен. В приглушенном свете ламп его тело казалось отлитым из бронзы. Широкие плечи, рельефная грудь, подчеркнутая тонкой полосой темных волос, четкие, выделяющиеся линии мышц, уходящие вниз, образуя ту самую соблазнительную V-образную впадину, ведущую к...

Он был полностью возбужден. Напряженный, сильный, воплощение той власти, которую он имел надо мной в этот момент. Я смотрела на него, и в моей голове промелькнула мысль: сколько же ему лет? Тридцать пять? Сорок? Он выглядел как ожившая статуя какого-нибудь греческого героя — Поликлета или Лисиппа. В нем было столько же силы, сколько и изящества. Я никогда не видела ничего подобного так близко. И я хотела этого.

Лиам медленно обошел кровать, его взгляд прожигал меня насквозь. Он подошел к тумбочке и, не прерывая нашего зрительного контакта, открыл ящик. Я услышала шуршание упаковки.

В моей голове вспыхнула мысль: этот мужчина только переехал в эту квартиру, но у него уже были наготове презервативы. Интересно, я первая, кого он привел на эту кровать? Или здесь уже кто-то был?

Он вернулся к кровати и опустился ко мне, нависая сверху. Его рука скользнула вниз, под платье, и я почувствовала, как он стягивает с меня трусики — полностью липкие, пропитанные моим недавним удовольствием и бесконечным ожиданием.

Затем я сама потянулась к потайной молнии сбоку на платье. Она поддалась с тихим шорохом. Я стащила с себя платье через верх, оставаясь перед ним полностью обнаженной.

Лиам замер. Он осмотрел меня сверху донизу, его взгляд был как физическое прикосновение. Я чувствовала себя так, будто стою на сцене перед самой взыскательной публикой, но вместо страха я испытывала безумный прилив адреналина.

Я откинулась на подушки, замирая под его взглядом с той естественной грацией, которая не оставляла места для сомнений. В этом жесте не было покорности — только выверенная, почти ослепляющая честность тела, за которой я так удачно прятала свою ложь. Я позволяла ему видеть каждый изгиб, каждую линию, превращая собственную наготу в идеальный камуфляж. Пусть он верит, что между нами больше не осталось барьеров; пусть думает, что сейчас он прикасается к самой сути, в то время как моя главная тайна оставалась надёжно скрыта за этой безупречной картинкой. Это был мой ход, моё окончательное приглашение в ловушку, из которой он вряд ли захочет выбираться.

Лиам разорвал упаковку презерватива. Не сводя с меня глаз, он натянул латекс на себя — движение было скупым и точным, движением человека, который знает, что делает.

Затем он опустился на меня. Я обхватила его горячую спину и шею, впиваясь пальцами в кожу. Я закинула ноги на его бедра, инстинктивно ища идеальный угол, идеальное трение.

Он замер, нависая надо мной, наши лица были в паре дюймов друг от друга. Мы смотрели в глаза друг другу — зеленые против янтарных. В этом полумраке мы были единственными выжившими в этом городе.

И тогда он вошел в меня. Медленно, мучительно уверенно.

Из моей груди вырвался тихий, надрывный стон, который тут же утонул в его собственном глубоком выдохе. Наше слияние было идеальным. Казалось, я была создана именно для него, именно для этого момента.

— Черт... — прошептал он, прикрыв глаза, и я почувствовала, как напряглись мышцы на его спине. — Какая же ты... узкая. Кажется, я только что нарушил еще один протокол.

Я вцепилась в его плечи, выгибаясь навстречу.

— В этой пьесе, Монро... — я проглотила стон. — Протоколы больше не действуют.

Он начал двигаться. Не спеша, давая нам обоим время привыкнуть к этому безумному чувству. Каждый толчок был точным и глубоким, каждый вдох — общим. Он наполнял меня,

заставляя забыть о том, кто я, сколько мне лет и кем он меня считает. Всё, что имело значение, — это этот ритм, этот жар и его зеленые глаза, которые снова открылись и смотрели на меня с такой невыносимой нежностью и страстью, что я готова была рассыпаться на части прямо под ним. Я сходила с ума от его близости, от его силы, от того, как легко он управлял моим телом, заставляя его звучать так, как оно никогда не звучало прежде. И я знала, что этот концерт только начинается.

Каждый его толчок становился все более глубоким и резким, теряя ту расчетливую медлительность, с которой он начал этот акт. В моей голове, перекрывая шум собственного пульса, внезапно зазвучал «Танец Фурий» Глюка — та самая неистовая, барочная пульсация, от которой всегда перехватывало дыхание. Я не слышала отдельных скрипок, я чувствовала этот звук всем телом, как вихрь, который вырывается из преисподней, неумолимый и прекрасный в своем безумии. И ритм Лиамы, его сбивчивый, жаркий ритм, пугающе точно совпадал с этой музыкой торжествующей тьмы.

Я чувствовала, как контроль, который Лиам Монро так тщательно выстраивал, начинает трещать по швам под напором этой первобытной стихии. Его дыхание стало обжигающим, рваным, а мышцы на спине под моими пальцами превратились в натянутые стальные тросы. Музыка в моем разуме нарастала, превращаясь в сплошную стену звука, в которой тонули все мысли, оставляя лишь инстинкты.

В момент самого глубокого, до предела заполняющего толчка, с его губ вместе с рваным выдохом сорвался низкий, вибрирующий стон — звук, в котором не осталось ничего от светского лоска или юридической выдержки. Этот стон стал тем самым финальным, сокрушительным ударом литавр, после которого оркестр Глюка обрывается в звенящую бездну.

Для меня этот звук стал чем-то сродни метафизическому откровению. Это было не просто проявление мужской слабости или удовольствия; это был момент абсолютной экзистенциальной истины, когда две чужие души внезапно сбрасывают все социальные надстройки. Я никогда не ощущала ничего подобного ни с одним сверстником, чьи порывы были понятны и поверхностны. Здесь же, за этой стеной зрелости и силы, скрывался бездонный океан, который сейчас поглощал меня целиком.

Этот стон стал детонатором. Я снова впилась пальцами в его плечи, обвила его бедра ногами так сильно, словно пыталась слиться с ним в единое целое. Внутри всё натянулось до звенящего предела, и мир окончательно перестал существовать.

Оргазм накрыл нас — тяжелый, сокрушительный, лишаящий воли. Я до боли закусила губу, чтобы не сорваться на крик, но его фамилия все равно вырвалась вместе с судорожным выдохом, прозвучав почти как мольба. Лиам с силой вжался в меня, содрогаясь всем своим мощным телом. Мы сжимали друг друга в этих финальных конвульсиях с такой яростью, будто пытались оставить клеймо на самой коже; я была уверена, что завтра на моих бедрах и его спине останутся багровые следы — безмолвное свидетельство этого ночного обмана.

Мы замерли, сплетенные и изломанные, тяжело и часто дыша в тишине спальни. В воздухе всё еще вибрировало эхо этого безумия, а под нами медленно остывало прохладное шелковое покрывало. Мы были двумя незнакомцами, которые только что совершили самое интимное преступление против правил этого города, и возвращаться к прежним ролям теперь казалось чем-то невозможным.

Я лежала под ним, чувствуя, как его сердце постепенно замедляет свой бег, и внутри меня уже начинал шевелиться холодный вопрос: что произойдет, когда он поймет, что правда может иметь две стороны? Я действительно была «мисс Голдман» из соседней квартиры, и в этом не было ни капли лжи. Но я не была той женщиной, которую он нарисовал в своем воображении.

И этот зазор между его фантазией и моей реальностью сейчас казался мне самой опасной и манящей бездной в мире.

Глава 5. Лиам

Music on: Stephen Sanchez — Be More

Я все еще лежал на ней, едва удерживаясь на локтях, чувствуя, как бешено колотится её сердце под моей грудью. Мое собственное дыхание восстанавливалось медленно, тяжелыми толчками. Я смотрел на Эстер и не до конца понимал, что только что произошло.

Это был один из лучших оргазмов в моей жизни. А возможно — лучший.

Запах карамели и миндаля, теперь смешанный с острым, мускусным ароматом нашего секса, пьянил сильнее любого коллекционного виски. Я приподнялся на локтях, всматриваясь в её лицо, пытаюсь зафиксировать каждую деталь этого послевкусия. Щеки покраснелись, губы припухли, а в янтарных глазах стояла едва заметная влага. Я жадно ловил этот блеск, надеясь, что это была соль чистого наслаждения, а не признак чего-то иного, что она скрывала.

Это пограничное состояние — на стыке восторга и надрыва — заставило меня помедлить.

— Я сделал вам больно, Эстер? — тихо спросил я, всматриваясь в её затуманенный взгляд, словно пытаюсь найти в нем ответ раньше, чем она успеет его озвучить.

Я поднялся уже окончательно, чувствуя непривычную легкость в теле. Эстер тоже села, медленно провела пальцами по щекам и лбу, словно проверяя, реально ли всё это, и молча покачала головой. Она обеими руками подхватила свои густые пшеничные пряди, открывая шею и затылок, чтобы впустить хоть немного прохлады к разгоряченной коже.

Именно тогда я его и заметил.

Прямо за её правым ухом, на нежном фоне кожи, чернел крошечный, вызывающе четкий символ. Он выглядел как типографский оттиск на полях дорогого пергамента — две строгие, угловатые линии, соединенные в ломаный зигзаг с короткими хвостиками. Я не удержался: протянул руку и провел подушечкой большого пальца по татуировке. Эстер вздрогнула — не от холода, а от того, насколько жгучим и неуместным казался этот знак в секундной тишине моей спальни.

— Что это за шифр, Эстер? — мой голос звучал слишком низко, почти доверчиво. — Похоже на какой-то юридический параграф, который решил сбежать с полей договора прямо на вашу шею. Знак отмены?

Эстер замерла, всё еще удерживая волосы обеими руками. Я увидел, как напряглись её плечи. В ответ из её груди вырвался сухой, почти панический смешок. Она медленно опустила руки, позволяя золотистому водопаду снова скрыть этот символ, и обернулась ко мне. В её глазах промелькнул странный, лихорадочный блеск — смесь азарта и какой-то обреченности, которую я не мог объяснить.

— Вы чертовски проницательны, Монро, — она усмехнулась, и в этой усмешке было слишком много острых углов. — Это бекар. (h) В музыке он делает ровно то, что вы сказали: отменяет все предыдущие распоряжения. Дизезы, бемоли, всю эту фальшивую позолоту и сложные украшения.

Она сделала паузу. Я видел, как пульсирует жилка у неё на шее, прямо там, под этим черным знаком.

— Я набила его на первом курсе, когда была наивной дурой и верила, что жизнь можно в любой момент «обнулить». Что можно нажать на кнопку и вернуть ноту в её первоначальное, чистое состояние. Без обмана. — Она коротко, резко рассмеялась, глядя мне прямо в глаза. — Ирония в том, Лиам, что бекар — самый честный знак в мире. Он требует правды, даже если она звучит паршиво.

Эстер отвела взгляд и закусила губу, словно сказала больше, чем собиралась.

— Так что считайте это моей личной шуткой. Я ношу на себе символ абсолютной искренности, пока... — она осеклась на долю секунды, но тут же выправила тон, добавив в него капельку яда, — ...пока играю в этом безумном городе партию, в которой нет ни одной настоящей ноты. Смешно, правда?

Я смотрел на неё, на эту удивительную девушку, пытаюсь уловить хоть каплю логики в этом внезапном потоке музыкальных терминов. Абсолютная искренность? Настоящие ноты? Для меня, человека, чей мир строился на жестких фактах и сухих буквах закона, её слова звучали как зашифрованное послание, ключ к которому она намеренно оставила при себе. Я ни черта не понимал из того, что она пыталась до меня донести, но чувствовал, как эта недосказанность затягивает меня сильнее, чем её недавняя страсть.

Внезапную тишину спальни разрезал резкий, настойчивый звук — в гостиной зазвонил её телефон.

Эстер вздрогнула так, словно этот звонок был ударом хлыста. В её глазах мгновенно вспыхнула паника, вытесняя недавнюю негу. Она подскочила с кровати и начала лихорадочно натягивать платье дрожащими руками. Скомкав крошечный шелк трусиков в кулаке, она, даже не взглянув в зеркало, выбежала в гостиную.

Я быстро поднялся и первым делом зашел в ванную. Стянул презерватив, ополоснул лицо ледяной водой, пытаюсь привести мысли в порядок. Внутри свербило предчувствие: если я закроюсь в душе хотя бы на пять минут, то, выйдя, застану лишь пустую квартиру. Я тут же вернулся в спальню и быстро натянул брюки; сейчас стоять перед ней обнаженным казалось чем-то лишним, почти уязвимым, нарушающим тот странный деловой тон, который вернулся вместе со звонком телефона.

В голове набатом стучала одна мысль: я был уверен, что она одинока. Я чертовски сильно надеялся, что этот звонок не принадлежит обманутому парню или любовнику. Не из страха перед конкуренцией, а из-за того, как сильно мне не хотелось признавать, что я так катастрофически ошибся в её калибре.

Когда я вышел в гостиную, Эстер уже стояла у дверей. Она крепко сжимала футляр со скрипкой и свою сумку, будто это были её единственные доспехи.

— Эстер? — позвал я её. Она обернулась, уже взявшись за ручку двери. — Всё в порядке?

Она замерла, глядя на меня. Её пшеничные волосы были в полном беспорядке, губы стерты, а взгляд метался по моей фигуре.

— Более чем, Лиам, — произнесла она, и в её голосе снова зазвучала та самая бархатная глубина. — Просто наше «сольное выступление» затянулось, а у судьбы, кажется, очень скверное чувство ритма.

Она подошла ко мне вплотную — в последний раз за эту ночь. Её рука, тонкая и горячая, легла мне на щеку, пальцы коснулись моей щетины, заставляя меня невольно податься навстречу этому прикосновению.

— Вы были... исключительным дирижером этой ночи, Монро, — прошептала она.

Эстер притянула меня к себе, и этот поцелуй был коротким, но отчаянным. Я обхватил её за талию, пытаюсь удержать, продлить это мгновение, чувствуя, как её тело всё еще вибрирует от недавнего жара. Но она мягко, но решительно отстранилась.

Уже на пороге, открыв дверь в светлый коридор, она обернулась и посмотрела на меня с такой странной, болезненной улыбкой, что у меня перехватило дыхание.

— Знаете, Лиам... иногда бекар отменяет даже то, во что мы отчаянно хотим верить. Не ищите в этой пьесе правду — просто наслаждайтесь тем, что вам не пришлось платить за билет.

Дверь закрылась с негромким щелчком. Я остался стоять посреди пустой гостиной, слушая, как в ушах всё еще звенит её голос. Эти слова — про «билет» и «правду» — вонзились в память, как заноза.

#

Сон не шел. Стоило мне закрыть глаза, как на внутренней стороне век, словно выжженные фотовспышкой, проступали её янтарные глаза и тот самый золотистый водопад волос, рассыпавшийся по моим рукам. Эстер Голдман... Она не была просто женщиной, с которой я провел ночь. Она стала тем самым скрытым дефектом в договоре, который обнаруживаешь слишком поздно, когда подписи уже поставлены и обратного пути нет. Я привык к женщинам, чей психологический профиль становился понятен после первого бокала мерло, но здесь всё было иначе. За каждым её стоном скрывался вызов, за каждой вспышкой страсти — какая-то личная драма, в которую меня не планировали впускать.

Я прокручивал в голове нашу встречу в коридоре, и теперь, в трезвом холоде предрасветных часов, детали начали выстраиваться в тревожную картину. Кого именно она ждала у двери собственной квартиры в тот вечер? Где были её ключи? И, что самое подозрительное для здания такого класса — почему она не спустилась вниз к консьержу, у которого обязан быть дубликат на случай экстренных ситуаций?

Вместо этого она предпочла зайти к незнакомцу.

Я с силой провел ладонями по лицу, пытаюсь стереть остатки наваждения. Видимо, восемнадцатилетний «Макаллан» всё же дал о себе знать в тот момент, раз я позволил себе не задавать эти вопросы сразу. Моя профессиональная паранойя, обычно работающая как швейцарские часы, дала сбой, стоило мне увидеть её в свете коридорных ламп. Я пригласил её, ведомый каким-ным импульсом, который обычно подавляю еще в зародыше. И теперь цена этого импульса росла с каждой минутой.

Нью-Йорк должен был стать моим триумфом. Новый офис, экспансия фирмы на Восточное побережье, закрепление статуса одного из самых дорогих юристов страны — всё это было частью архитектуры моего будущего. Но стоило мисс Голдман войти в мою квартиру, как этот проект начал давать трещины. Она не просто нарушила мои планы, она превратила их в несущественный фон, на котором теперь отчетливо пульсировала лишь одна нота. *Её нота*.

Я анализировал каждое её слово, пытаюсь определить её возраст через призму её цинизма. На вид ей можно было дать от силы двадцать пять, но её суждения, этот горький яд в интонациях при упоминании «правил игры»... Она казалась старше и опытнее многих моих ведущих юристов на фирме. Я не верил в случайности. В моей практике случайность — это просто плохо изученная закономерность. Женщины такого калибра не оказываются в постели соседа просто потому, что им стало скучно. В этом уравнении явно не хватало переменных.

«The Heights»... Название, брошенное ею вскользь, жгло мне мозг, как незакрытый судебный процесс. Я дотянулся до телефона, щурясь от резкого, почти болезненного света экрана, и ввел запрос в поисковую строку.

Я сосредоточенно глядел в экран. Академия. Манхэттенская Высшая Школа Искусств. Я до боли в глазах всматривался в списки преподавательского состава, надеясь найти её среди кураторов или профессоров кафедры струнных инструментов. Мой разум отчаянно цеплялся за эту надежду. Какова вероятность, что девушка с таким багажом знаний и манерами может быть кем-то иным? Только не студенткой. Мне сорок два года, и перспектива оказаться в роли мужчины, потерявшего голову от девчонки, которая еще даже не получила диплом, казалась мне не просто нелепой — она была профессионально унижительной. Это был бы крах моей репутации перед самим собой.

Мои пальцы быстро вбили её имя в поиск. Первые ссылки предсказуемо вывели на архивы музыкальных премий и афиши недавних концертов — «Эстер Голдман, скрипка». Списки лауреатов, сухие отчеты консерваторий... Но мой взгляд, натренированный искать иголку в стоге сена, зацепился за заголовок в деловом издании Сан-Франциско, который выглядел как неоспоримая улика:

«Империя на плаву: Абрам Голдман и его стратегия экспансии на Западном побережье».

Я нажал на ссылку, и страница медленно загрузила тяжелое, качественное фото. На нем был запечатлен суровый мужчина с тяжелым взглядом человека, привыкшего выигрывать любые споры еще до их начала. А рядом с ним — она. На ней было закрытое, безупречно скроенное платье, волосы уложены в строгий, почти холодный узел, но эти глаза... этот янтарь невозможно было спутать ни с чем. Это определенно была Эстер.

Текст в *The Wall Street Journal* и *San Francisco Business Times* сухо, без лишних эмоций анализировал активы «Goldman Maritime & Logistics». Гигантская корпорация, контролирующая ключевые логистические узлы в портах, фрахтование океанских судов и владеющая сетью складов по всему побережью. Настоящий монстр индустрии.

Об Эстер в этих статьях было сказано до обидного мало. «Выдающаяся дочь», «единственная наследница», «традиционное увлечение классическим искусством». Ни единого слова о том, почему наследница логистической империи оказалась в положении, когда у неё нет доступа даже в собственную квартиру, и почему она выглядит так, будто весь этот мир — одна большая фальшивая нота, которую ей приходится терпеть.

Я заблокировал телефон, швырнув его на подушку. 4:00 утра. Цифры на часах светились холодным неоновым светом, подчеркивая моё поражение в попытке уснуть.

Бессмысленно. Я встал, чувствуя свинцовую тяжесть в мышцах, и натянул черную термофутболку и беговые тайты под шорты. Мне нужно было выгнать этот карамельный запах из своих легких, заменить его вкусом крови во рту от запредельного физического измождения.

Я вышел из здания, когда Манхэттен только начинал делать свой первый предрассветный вдох. Я бежал по Уэст-стрит, вдоль набережной Гудзона, мимо закрытых причалов и серых громад складов. Ветер с реки хлестал по лицу, холодный туман забивался в горло, превращая каждый вдох в пытку, но я только прибавлял темп. Я бежал до тех пор, пока дыхание не превратилось в рваный хрип, а в коленях не появилась дрожь. Я выматывал себя до последнего, пытаюсь вернуть тот контроль над собственными мыслями, который потерял на шелковом покрывале несколько часов назад.

Когда я вернулся в лобби своего дома, насквозь промокший от пота и влаги Гудзона, меня встретил сонный консьерж. Парень на бейдже которого значилось «Леонард П.», мгновенно вскинул голову, пытаюсь изобразить бодрость и услужливость.

Тот самый Лео. Мальчишка, который был свидетелем её будней, знал, в какое время она возвращается и с каким настроением заходит в лифт — те крохи реальности, которые для меня пока оставались за закрытой дверью

Эта мысль отозвалась внутри резким, почти болезненным уколом. Глядя на суетливую готовность парня угодить, я невольно пытался разгадать причину её неприязни. Что именно заставляло её так отчетливо кривить губы при одном разговоре о нем? Его чрезмерная исполнительность? Или то, что в её глазах он был лишь частью «фальшивого позолоченного мира», от которого она так старательно дистанцировалась? Я невольно сдвинул брови, ощущая иррациональный, почти физический укол неприязни к этому юнцу. Даже не кивнув ему в ответ на приветствие, я молча прошел мимо к лифтам.

Поднявшись к себе, я первым делом отправился в душ. Меня не должны были заботить тайны её биографии — по крайней мере, не сейчас; мне нужно было смыть с себя соль, дорожную пыль Манхэттена и этот навязчивый призрак карамели. Ледяной душ быстро вернул мысли в рабочую колею. Выйдя из ванной, я заглянул на кухню: измотанный организм требовал серьезной подпитки. Я приготовил себе максимально калорийный завтрак — яичницу с беконом и тосты с арахисовой пастой. Это было единственное топливо, способное заставить мой мозг сегодня работать.

Допив вторую чашку черного кофе, я взглянул на свое отражение в зеркале, затягивая узел галстука. Адвокат Лиам Монро был готов к выходу. Собранный, холодный, в безупречном костюме.

Я запер дверь своей квартиры, на секунду задержав взгляд на соседней двери под номером 7501. Тишина. Бросив последний взгляд на этот безмолвный прямоугольник дерева, я развернулся и зашагал к лифтам. Сегодня меня ждал офис на Парк-авеню, и никакие наследницы логистических империй не должны были помешать мне выиграть этот день. В конце концов, в этом городе каждый играет свою роль, и моя роль — быть лучшим в своем деле.

Глава 6. Эстер

Music on: Antonio Vivaldi — Summer II. Adagio (Violin solo)

Я проснулась в гостевой спальне, залитой слишком ярким, бескомпромиссным утренним светом. В квартире Вивиан стояла оглушительная тишина. Судя по тому, во сколько мать соизволила вернуться вчера и в каком состоянии она находилась, сейчас она пребывала в глубоком забытии.

Вивиан явно не была в восторге от того, что её размеренная ночная жизнь теперь обзавелась невольным зрителем в лице собственной дочери. Вчера она даже не сочла нужным извиниться за то, что заставила меня ждать под дверью. Она просто прошла мимо, напрямик в свою спальню, не предложив ни ужина, ни разговора, словно я была случайным гостем, затянувшим свой визит.

Я лежала, глядя в окно, за которым Нью-Йорк уже вовсю кипел жизнью, и внезапно образ Лиамы Монро возник в голове с пугающей четкостью. Я с силой потерла лицо ладонями, а затем глухо застонала, пряча лицо в ладонях.

Господи, Эстер, что ты натворила?

Я не могла до конца осознать масштаб своей опрометчивости. Переспать с соседом матери в первый же вечер? С мужчиной, который старше меня едва ли не на двадцать лет? Это было не просто безрассудно, это было тактическим самоубийством. Я планировала начать новый этап в этом городе с чистого листа, а вместо этого вляпалась в интрижку с человеком, чья квартира находится в трех шагах от маминой двери.

Но самым жутким было то, что одновременно с желанием никогда больше его не встречать, я кожей чувствовала фантомное тепло его рук. Мне хотелось снова поймать этот пристальный взгляд его зеленых глаз, в которых вчера я видела всё что угодно, кроме профессионального равнодушия. Однако это желание перекрывалось тяжелым чувством вины за мой обман. Я ведь даже не играла роль — я просто не стала его поправлять. Я позволила ему верить, что я его соседка, а не дочь, у которой нет даже ключей от собственного временного пристанища. Лиам Монро так легко принял эту версию, что теперь моя недосказанность казалась мне хуже любой открытой лжи.

И в этой тишине, нарушаемой лишь моим неровным дыханием, ядовитой змеей проскользнула мысль: а была ли в этом выборе хоть капля личного? Если бы вчера на той лестничной клетке первой появилась Вивиан — блистательная, опытная, идеально вписывающаяся в интерьеры этого дома — изменилось бы хоть что-то в его сценарии? Уложил бы он её на свою кровать с той же мучительной уверенностью? Был ли для него важен мой калибр, или Лиам Монро просто привык брать лучшее из того, что оказывается в пределах досягаемости? Эта мысль о его возможном безразличии к личности той, кто заполнила его простыни, ранила куда сильнее, чем осознание собственного вранья.

Я сбросила одеяло и заставила себя встать. Хватит. Рефлексия — это роскошь для тех, у кого есть время.

В ванной я долго стояла под ледяным душем, пытаясь смыть с себя запах порто и его парфюма. Приведя себя в порядок, я заколола влажные волосы в небрежный узел, открывая шею — туда, где под кожей прятался мой знак отмены. Сегодня мне хотелось выглядеть нейтрально, почти невидимо. Я надела топ без рукавов и широкие струящиеся брюки — всё в мягких бежевых оттенках, которые помогали слиться с интерьером. Обула свои неизменные кеды, которые были единственным честным элементом в моем образе «мисс Голдман», и вышла в гостиную.

На кухне царил стерильная чистота. Я открыла огромный холодильник и с раздражением обнаружила там лишь батарею бутылок белого вина и несколько коробок с какими-то

экзотическими фруктами, названия которых знала только Вивиан. Ни намек на нормальный завтрак. Ни намек на дом.

Я достала из сумки блокнот, быстро набросала несколько слов: «*Ушла завтракать и по магазинам. Не жди к обеду*». Вырвав лист, я прижала его пустой вазой на кухонном островке.

Мне нужно было выйти на улицу. Мне нужно было раствориться в толпе этого безумного города, пока я окончательно не сошла с ума в этой светлой, идеально пустой квартире, пропахшей чужим эгоизмом и моим вчерашним грехом.

Я надела наушники, решительно отсекая хаос улицы.

Первые такты Summer II — Adagio e piano Вивальди обволокли сознание душным, тревожным маревом. Это было именно то, что нужно — гнетущее предчувствие бури, застывшее в безупречной классической структуре, на фоне которого беспорядок моих мыслей казался почти естественным. Я пошла по Бродвею, крепко прижав сумку к груди, словно щит.

Вокруг бурлил типичный Манхэттен. Толпа здесь не просто шла, она текла — стремительно и беспощадно. Желтые такси вязли в пробках, надрывно сигнализируя друг другу, из вентиляционных решеток метро вырывался влажный пар, а клерки в безупречных костюмах неслись мимо, не отрываясь от своих смартфонов. В Сан-Франциско жизнь имела вкус соли и тумана, здесь же она пахла раскаленным асфальтом и адреналином.

Я была частью этого потока, но в то же время оставалась бесконечно далекой от него. Мои пальцы невольно задвигались, перебирая невидимые струны прямо на ходу. Я воспроизводила каждый штрих, каждый резкий скачок смычка, звучащий в ушах. Музыка требовала математической точности, и я отдавалась ей полностью, позволяя сложным пассажам вытеснять из памяти всё остальное.

Я свернула на Коламбус-авеню, стараясь не смотреть на прохожих. Мне нужно было раствориться в этом городе, стать прозрачной. Я хотела, чтобы ритм скрипок заглушил во мне эхо вчерашнего вечера, но даже в самых высоких нотах мне всё равно чудился низкий, уверенный голос соседа.

Как я могла позволить Лиаму Монро разрушить мою оборону так быстро? Это было не по правилам. Нью-Йорк, кажется, плевал на мои планы с самого первого дня, подсовывая мне партитуру, в которой я совершенно не знала своей партии. Но хуже всего было осознание того, как легко он попался на мою удочку. Он не видел меня насквозь — он видел лишь ту удобную правду, которую я ему подсунула, просто промолчал. И этот мой обман «по умолчанию» жег изнутри сильнее, чем вчерашний алкоголь.

Я прибавила шаг, чувствуя, как музыка возводит вокруг меня невидимые стены. Мне нужно было найти место для завтрака, где меня никто не знает. Где никто не будет смотреть на меня так, как смотрел он — с той пугающей доверчивостью, которая превращала мою случайную недомолвку в настоящее предательство.

Мне оставалось лишь надеяться, что Лиам Монро — именно тот, кем кажется: сверхзанятой адвокат, чья жизнь расписана по минутам между залом суда и офисом на Парк-авеню. Человек, у которого нет времени на случайные встречи у лифта и уж тем более на праздное любопытство по поводу соседки.

Я зажмурилась на секунду в такт финальным аккордам Вивальди. Если мне повезет, мы больше никогда не столкнемся в коридоре этого проклятого этажа. Он забудет эту ночь как досадное или приятное недоразумение, а я смогу спокойно выходить из квартиры, не вжимая голову в плечи при каждом звуке открывающейся двери под номером 7502. Это была единственная соломинка, за которую я могла ухватиться, чтобы не провалиться в окончательную панику.

Город вокруг продолжал гудеть, подтверждая мою анонимность. В Нью-Йорке восемь миллионов человек. Шансы на то, что наши орбиты снова пересекутся, если я сама этого не допущу, стремились к нулю.

Но стоило мне попытаться в это поверить, как перед глазами всплывал образ Вивиан. Моя мать была слишком ярким и заметным элементом этой «экосистемы» верхнего этажа, чтобы Лиам мог игнорировать её вечно. Рано или поздно они столкнутся. Обычный вежливый кивок у лифта, пара дежурных фраз о погоде или о благотворительном аукционе или вечных задержках на Бродвее — и мой обман рассыплется прахом. Лиаму достаточно будет одного мимолетного упоминания о «дочери, которая приехала погостить», чтобы его аналитический ум мгновенно сопоставил факты. И тогда эта ночь превратится из красивой случайности в постыдную улику, которую мне нечем будет крыть. От этой мысли пальцы начали еще яростнее отбивать ритм по кожаному ремешку сумки: я не просто играла с огнем, я оставила зажженный фитиль прямо у порога собственного дома.

Я подошла к небольшому кафе, вывеска которого обещала лучший кофе в округе, и сделала глубокий вдох. Сегодня я начну всё заново. Без соседей, без прошлого и без чувства вины, которое упорно следовало за мной по пятам, как тень.

Возвращение домой напоминало путь Одиссея мимо пещеры Сциллы. Я шла по коридору, стараясь не дышать, когда миновала злосчастный Ахерон этой двери под номером 7502. Казалось, за этим темным деревом течет река забвения, в которой я должна была оставить события прошлой ночи, но вместо этого я лишь ускорила шаг, боясь, что Харон в дорогом костюме выйдет за своей платой. Быстро скользнув в свою квартиру, я наконец прислонилась спиной к двери и выдохнула.

Вивиан была в гостиной. Она сидела на диване, завернутая в алый шелковый халат, который на фоне её стерильно-белых интерьеров выглядел как капля свежей крови на снегу. Мать говорила по телефону с какой-то Сьюзен, обсуждая детали предстоящего вечера, и лишь мельком взглянула на меня. В её глазах не отразилось ни тени беспокойства.

Я смотрела на неё и видела в ней своё отражение, доведенное до стерильного абсолюта. От неё мне досталось почти всё: те же точеные скулы, та же манера едва заметно вскидывать подбородок, когда разговор становится скучным, и наш общий семейный дар — копна густых, тяжелых волос цвета спелой пшеницы. Но если я позволяла этому золоту жить своей жизнью, то Вивиан годами методично вытрапливала его, превращая в холодный, почти ослепительный перламутр. Она словно пыталась стереть саму природу своей внешности, заменяя живое тепло дорогим глянцевым блеском.

Но мои глаза... они были только моими. Отцовские темно-карие глаза были полны густой, почти осязаемой плотности, а глаза Вивиан всегда казались мне прозрачными осколками льда — серыми, холодными и абсолютно бесстрастными. По отдельности их взгляды были понятными и предсказуемыми, но в моем случае их союз выдал нечто совершенно иное.

Мой янтарь не был ни теплым шоколадом, ни стальной серостью. Это был чистый, расплавленный золотой пигмент — редкая случайность, которая сделала мой взгляд независимым от них обоих. Я была рада, что ни в одном зеркале мира я не встречу в точности такой же оттенок. Этот цвет принадлежал только мне, становясь моей личной границей, которую не смогла бы пересечь даже Вивиан с её бесконечным стремлением всё подчинить своему контролю.

— Да, Сьюзен, до вечера. Целую, — Вивиан отложила телефон и плавно повернулась ко мне. — Как твои дела, дорогая? Как прогулялась? Купила что-нибудь интересное?

Я бросила сумку на консоль и посмотрела на неё своим автономным взглядом.

— Если для тебя интересны новые вольфрамовые струны, канифоль и пара запасных сурдин для занятий в Академии, то да, мама. Прогулка была невероятно захватывающей.

Вивиан едва заметно поморщилась. Музыка для неё всегда была лишь шумным фоном к статусу.

— Ясно. К слову, сегодня вечером я приглашена на одно мероприятие, так что ужинать буду не дома, — она произнесла это так, будто я и не ждала приглашения. — И, Эстер... Тебе не стоит гулять по улицам этого города в такое время, как вчера. Это небезопасно. В Нью-Йорке

нужно передвигаться только на машине. Пользуйся водителем или вызывай такси к самому входу.

Я замерла на полуслове, глядя на неё. Это была какая-то странная, почти микроскопическая доля заботы, непривычная для нашего общения. Видимо, то, что она не обнаружила меня у двери вчера ночью, когда вернулась, всё же оставило на её ледяном спокойствии едва заметную царапину.

— Хорошо, — тихо ответила я, решив не спорить. — Я учту.

Я развернулась и ушла в свою комнату, чувствуя, как внутри нарастает потребность закрыться на все замки. Вивиан уедет, и квартира наконец-то станет по-настоящему тихой. Единственное, на что я надеялась, — это что её совет про такси и безопасность поможет мне избежать новых встреч в этом «злосчастном» коридоре.

#

Music on: Nicola Piovani — Buongiorno Principessa (Violin version)

Вечер в пустой квартире Вивиан пах дорогим парфюмом и безликим отельным шиком. Этот город еще не успел ничего от меня потребовать — я была для него лишь очередной каплей в океане, безмянной тенью. Но здесь, среди глянцевых поверхностей и безупречного порядка, я не чувствовала себя в безопасности. Напротив, эта квартира давила на меня своей пустотой, заставляя ощущать себя лишним, случайным элементом в идеально выстроенной композиции матери.

Мне нужно было что-то живое. Что-то, что вытеснит этот холод и заполнит тишину чем-то, что принадлежит только мне.

Я подошла к футляру. Игра на скрипке не терпит суеты; это был единственный ритуал, способный вернуть мне опору под ногами. Гулкие щелчки замков прозвучали как команда «отбой» для всей реальности. Я открыла крышку, вдыхая едва уловимый аромат канифоли и старого дерева, бережно хранящийся в складках синего шелка.

Сначала я достала смычок. Мои пальцы привычно легли на колодочку, чувствуя его идеальный баланс — послушное продолжение моей собственной руки. Затем я взяла скрипку за шейку, ощущая прохладу лака, и прикрепила «мостик», чтобы инструмент плотнее лежал на ключице.

Я прижала скрипку подбородком, привыкая к знакомому, почти интимному давлению под челюстью. У меня на шее уже давно красовалось «пятно скрипача» — легкое покраснение, крошечная мозоль, след от тысяч часов, проведенных в этом союзе с деревом и струнами. Вдох.

Я провела смычком по двум струнам одновременно, выстраивая идеальные квинты. Звук не просто раздался — он разлился по комнате, становясь объемным, живым, вытесняя стерильный воздух. Я закрыла глаза. Мои пальцы знали путь. На скрипке нет ладов, точность здесь — это чистая мышечная память, и я ставила пальцы «вслепую», доверяя инстинктам больше, чем зрению.

Струна начала вибрировать прямо под моим левым ухом, передавая звук в череп через челюстную кость. В темноте моих век музыка Пьовани перестала быть просто набором звуков. Она стала чертежом, который я медленно разворачивала в пустоте. Мне не нужны были ноты — я чувствовала эту мелодию костями. Она впиталась в подушечки моих пальцев за годы репетиций в Сан-Франциско, когда жизнь еще казалась такой же прозрачной, как канифольная пыль в лучах солнца.

Первое движение смычка — это всегда прыжок в пропасть. Я повела его по струне «ля», и комната наполнилась мягким, вальсовым ритмом «Buongiorno Principessa». В этом звуке было столько солнца, столько итальянской беззаботности, что мир вокруг перестал существовать. Стены квартиры Вивиан растворились, уступая место чистому, почти осязаемому свету.

Моя левая рука жила своей жизнью. Пальцы снайперски точно вбивались в струны, вырывая из них глубокое, чувственное вибрато. Я раскачивала каждую ноту, заставляя её дрожать,

как голос человека, который пытается улыбаться сквозь слезы. Мелодия поднималась выше. Я меняла позицию, скользя рукой к самому корпусу скрипки. Высокие ноты Пьовани должны были звучать как радостный оклик, как то самое «Доброе утро!», брошенное в открытое окно.

Я давила на трость указательным пальцем правой руки, заставляя волос смычка вгрызаться в металлическую обмотку струны, извлекая из неё максимум плотности. Жизнь в этом звуке казалась прекрасной, грандиозной и бесконечной. На кульминации я почти перестала дышать. Смычок летал над струнами, соединяя ноты в единое, неразрывное легато. Жар от собственного тела мешал, прядь волос липла к влажной щеке, но я не останавливалась. В этот момент я была лишь проводником. Идеальным инструментом для этой светлой, пронзительной нежности.

Когда пришло время финала, я замедлила руку. Смычок медленно полз к самому кончику, звук истончался, превращаясь в призрачный шепот, в тонкую нить, которая вот-вот оборвется.

Я долго не открывала глаз, стараясь удержать это состояние, этот транс, в котором не существовало ни Нью-Йорка, ни Вивиан. Я всё еще была там, в мире Пьовани, где музыка способна защищать от любой реальности. Я чувствовала, как гулко бьется сердце в основании черепа, прямо под татуировкой, и это был единственный звук, возвращавший меня назад. Мелодия затихла, но её эхо всё еще вибрировало где-то глубоко в ребрах, оставляя после себя щемящее чувство покоя. Настоящего, выстраданного покоя.

Тишину, всё еще вибрирующую от звуков скрипки, разрезал резкий, бесцеремонный стук в дверь. Я вздрогнула, и смычок в моей руке качнулся, едва не задев струну. Это осознание того, что я всё-таки не одна в этом мире, прошло меня насквозь холодным электричеством.

Я замерла, прислушиваясь к гулкому биению собственного сердца. Мысли неслись вскачь: что, если это Лиам? Что, если он не выдержал этой музыки, которая, возможно, просачивалась сквозь стены его безусловно выстроенного покоя? Или соседи, разгневанные тем, что кто-то посмел нарушить тишину этого «золотого» этажа?

Тихий голос за дверью заставил меня выдохнуть, но не расслабиться: — Мисс Голдман? Это Лео. Вам доставка!

Я медленно подошла к двери и отворила её. На пороге стоял тот самый худощавый консерж. В руках он держал огромную шляпную коробку, из которой вырывался каскад цветов — букет был настолько массивным, что полностью скрывал лицо парня.

— Пройдите внутрь, — тихо сказала я, отступая в сторону.

Я быстро закрыла за ним дверь, отсекая коридор, и указала на журнальный столик в центре гостиной. Лео осторожно опустил ношу на мраморную поверхность, и когда он наконец выпрямился, на его лице отразилось неприкрытое изумление.

— О... это вы, — он растерянно моргнул, переводя взгляд с меня на скрипку, оставленную на диване. — Я ожидал увидеть мисс Голдман.

— Я — мисс Голдман, — ответила я, и эти слова, произнесенные вслух, обожгли горло. — Вивиан Голдман — моя мать.

Фраза казалась мне чем-то чужим, неправильным, словно я намеренно вскрывала еще не зажившую рану.

— Извините, — Лео снова окинул меня оценивающим взглядом, скользя по моим босым ногам и распущенным волосам. — Я не знал, что у мисс такая... взрослая дочь.

В его голосе проскользнула бестактная нотка, а взгляд задержался на мне чуть дольше приличия. — Могу я узнать ваше имя, мисс?

— Эстер.

— Очень красивое имя, Эстер, — сказал он с какой-то неприятной, слащавой интонацией.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна холода. — Я передам матери, что вы их доставили. Благодарю.

Я указала рукой на выход, не оставляя пространства для дальнейшего диалога. Он кивнул и улыбнулся — той самой улыбкой, которая так раздражала меня вчера. Я открыла ему дверь, намеренно глядя в пол, чтобы не дай бог не увидеть пустой коридор и соседнюю дверь. Как только он вышел, я тут же повернула замок.

Я подошла к столику. Букет был вызывающе красив. Это был цвет подтаявшей карамели и жженого сахара — сложный, глубокий оттенок, который выглядел бы приторно, если бы не матовая, почти вельветовая текстура лепестков. Розы не были плотными бутонами; их лепестки, вывернутые наружу, напоминали пачки балерин перед выходом на сцену — пышные, многослойные, застывшие в искусственном совершенстве.

Цветы утопали в массивной шляпной коробке оттенка темного эспрессо. Глубокий кофейный цвет упаковки делал карамельные бутоны еще ярче, заставляя их буквально светиться изнутри. Вместо обычного атласа коробку перехватывала широкая репсовая лента цвета античного золота. Она была завязана небрежно, но этот узел стоил дороже, чем всё, что я видела за последнее время. Края ленты были чуть шероховатыми, а на ощупь она напоминала старую книжную закладку из библиотеки, где время остановилось.

Я коснулась пальцем края лепестка. Роза была настолько раскрытой, податливой и беззащитной в своей навязанной красоте, что это вызывало странный укол беспокойства. Кто-то потратил часы, чтобы заставить эти цветы выглядеть именно так — на пике своего расцвета, в шаге от увядания.

Затем я нашла записку, прикрепленную к ленте.

Читать письма Вивиан казалось чем-то запретным и неэтичным. Но, приехав сюда, я и так нарушила уже все грани приличия, какие только могла. Дрожащими пальцами я раскрыла плотную карточку и увидела надпись...

«В этом городе не бывает бесплатных билетов, мисс Голдман. За всё приходится платить — временем, вниманием или цветом карамели.

Считайте это моим авансом за следующую партию в нашей пьесе. Надеюсь, ваш ритм сегодня будет таким же... захватывающим.

Жду вас в 20:00 у входа в здание. Нам стоит обсудить продолжение этой пьесы за ужином.

Л.М.»

Я откинула карточку на столик, словно она была раскаленным углем. Пальцы мелко дрожали, и я прижала их к ладони, пытаясь унять эту внезапную дрожь.

Л.М. Лиам.

Букет прислали мне. Не Вивиан, чья жизнь в этой квартире, должно быть, всегда была окружена подобной роскошью, а мне. Я снова подняла бумагу, вчитываясь в буквы. «*Жду вас в 20:00 у входа в здание...*» Он снова хочет встретиться?

Я не была готова к тому, что его интерес окажется настолько... долговечным. Я наивно полагала, что всё ограничится той гипнотической, пропитанной терпким вином и тишиной ночью, которая должна была остаться лишь красивым воспоминанием, не имеющим права на завтра. Но Лиам не собирался закрывать занавес. Предложение «обсудить продолжение», запечатанное в строгие типографские строки, не оставляло мне шанса на отступление. Он не спрашивал разрешения, он просто задал темп, словно я уже была частью его личной партитуры.

Я схватила тяжелую шляпную коробку, стараясь не помять хрупкие, почти живые лепестки, и почти бегом отнесла её в свою спальню. Запах жженого сахара и карамели ворвался в мое пространство, мгновенно вытесняя холодный дух Вивиан. Я поставила букет на консоль у окна, где за стеклом уже начинал густеть вечерний Нью-Йорк, и бессильно опустилась на край кровати.

В голове царил хаос. Эта ложь уже давно перестала быть просто маской — она вросла в кожу, растянулась и истончилась, как струна перед неизбежным обрывом. Снова встретиться с ним, оказаться в интимном полумраке ресторана, подставляя себя под его тяжелый, препарирующий взгляд — это было равносильно прыжку в бездну без страховки. Лиам был слишком искушенным слушателем; он привык улавливать малейший дребезг фальши в человеческих голосах, и я знала: я не смогу больше смотреть в эти зеленые глаза и продолжать играть роль *той самой* мисс Голдман. Одно дело — носить эту фамилию по праву рождения, и совсем другое — позволять ему верить, что я плоть от плоти этого лощеного, хищного мира матери. Мне не под силу будет лгать, когда он будет искать во мне хозяйку этого золотого аквариума, не подозревая, что нашел лишь её случайную тень, запертую по ту сторону стекла.

Предательское желание снова почувствовать его присутствие дразнило меня, резонируя с затихающим эхом скрипки, но страх разоблачения был сильнее. Я всё еще помнила вкус вина и его губ на своих ключицах, но теперь эти воспоминания отдавали горечью постыдного обмана.

Я подошла к двери спальни и с сухим, окончательным щелчком повернула замок. Эта квартира должна была стать моей крепостью, моим убежищем от его пронзительного интереса. Я не выйду. Я растворюсь в сумерках этих безжизненных комнат, выключу свет и сделаю вид, что за этими дверями никого нет — лишь пыль и эхо чужих ожиданий. Пусть он ждет внизу, среди мрамора и зеркал лобби, пусть сверяет время по своим безупречным часам. Я не стану частью его игры, финал которой уже прописан чьей-то уверенной рукой.

Мегаполис за окном плавился в миллионах неоновых огней, превращаясь в золотистое марево, а я сидела на кровати в густеющей темноте, чувствуя, как внутри натягивается невидимая нить. Дирижер уже занял своё место на подиуме, палочка замерла в воздухе, ожидая вступления. Но оркестр сегодня решил промолчать. По крайней мере, я отчаянно пыталась в это верить, не отрывая взгляда от безжалостных стрелок, отсчитывающих секунды до катастрофы.

Глава 7. Лиам

Music on: James Blake — Retrograde

День тянулся с мучительной неспешностью, напоминая затянувшийся судебный процесс по делу, исход которого заранее предрешен, но процессуальные формальности требуют безукоризненного соблюдения каждого бессмысленного шага. Я ненавидел состояние бессилия перед временем, но именно эта роль — роль подсудимого, ждущего вердикта присяжных, — преследовала меня весь день.

Утро началось с многочасовой координации ассоциатов по делу «Глоуб Инвест». Прокуратура вцепилась в них мертвой хваткой, обвиняя фонд в создании цифровой пирамиды под видом нейросети-оракула. Моей задачей было превратить это мошенничество в «высокочастотный трейдинг», а грязное отмывание денег в «оптимизацию налоговой нагрузки».

— Это не аргументация, это жалкая попытка оправдаться, — я бросил на стол папку, даже не удостоив взглядом побледневшего младшего юриста. — Если вы не найдете способ доказать, что данные их «нейросети» были результатом аналитического прогноза, а не подкупа осведомителей, завтра вы будете искать себе место в юридической консультации для бедных. Свободны.

Обед прошел в душной атмосфере закрытого клуба с руководством фонда. Глядя вholeные, потные от скрытого страха лица вице-президентов, я методично излагал им план «Б»: как именно мы принесем в жертву одного из них, чтобы спасти совет директоров. Я говорил о «процессуальном уничтожении улик» и ошибках ФБР при обыске серверов, а сам ловил себя на мысли, что вся эта безупречная юридическая логика — лишь толстый слой пыли, под которым я хороню очевидную ложь.

«Глоуб Инвест» были виновны. И это осознание выматывало. В мире фальшивых отчетов и купленных алиби, в котором я был признанным гроссмейстером, единственной настоящей вещью казалась мне она. Мисс Голдман.

Она поселилась в моей голове, как неучтенная переменная, вытесняя инсайдерскую торговлю и офшоры. Я снова и снова прокручивал в памяти ту странную, почти болезненную улыбку, с которой она смотрела на меня вчера, прежде чем я закрыл за ней дверь квартиры. Это не было примитивным импульсом. Я испытывал интеллектуальный и сенсорный голод.

Загорелся экран монитора — плановый видеозвонок из Цинциннати. Лица Маркуса и Джулиана в высоком разрешении казались раздражающе расслабленными.

— Лиам, мы просмотрели твои правки, — Джулиан деловито вертел в руках ручку. — Ты предлагаешь слишком агрессивную тактику. Ты уверен, что нам стоит так давить на их совет директоров?

— Я уверен в том, что если мы не выстроим монолитную защиту сейчас, ваши планы по расширению в Нью-Йорке пойдут ко дну вместе с этим офисом, — отрезал я, резко поправляя манжету рубашки. — Здесь не прощают мягкости.

Маркус, который до этого с любопытством наблюдал за моей мимикой, внезапно рассмеялся. — Лиам, дружище, ты выглядишь так, будто собираешься кого-то казнить прямо через экран. Или как минимум выписать смертный приговор собственному кофе.

— Недостаток дисциплины у подчиненных, Маркус. Вот и всё.

— Брось, — Джулиан примирительно поднял ладонь. — У тебя всё под контролем, как и всегда. Тебе нужно просто выдохнуть. Расслабься, сходи куда-нибудь вечером.

— Слушай, а может, зря ты Аврору не взял с собой? — Маркус подмигнул мне, явно наслаждаясь моментом. — Оставил бедную женщину одну в Цинциннати, вот и бесишься

теперь. Глядишь, она бы тебя немного... разрядила. Улыбался бы сейчас, а не рычал на ассоциатов.

Я почувствовал, как на виске отчетливо запульсировала вена. Упоминание Авроры в контексте моего нынешнего состояния вызвало вспышку почти физического отвращения. — Маркус, побереги свои советы по личной жизни для кого-нибудь другого, — чеканя каждое слово, произнес я. — Мы закончили на сегодня.

Я нажал кнопку отбоя, обрывая их смех. В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва слышным гулом климат-контроля. Весь этот день — от потных лиц в закрытом клубе до пустой болтовни партнеров — был предсказуем до тошноты. Я десятилетиями выстраивал эту реальность, где каждый ход просчитан, а каждый человек имеет свою цену и определение. Но Эстер Голдман не вписывалась ни в один кодекс. Она была единственной живой переменной в этом стерильном уравнении, и мое нежелание отпускать её не имело ничего общего с профессиональной этикой.

Это был чистый, неразбавленный эгоизм. Я хотел снова увидеть, как меняется выражение её лица под моим давлением. Хотел понять, где заканчивается её музыка и начинается она сама. Впервые за долгое время я не искал логического обоснования своему импульсу — мне просто было мало.

Я нажал кнопку селектора. — Ханна, зайдите.

Я подошел к окну. Вечерний город начинал зажигать свои огни, переливаясь холодным золотом. Мышцы затекли, но внутреннее напряжение не давало расслабиться. Я смотрел на город, который сегодня казался мне лишь вычурной декорацией к её выступлению.

— Мистер Монро? — голос Ханны прозвучал идеально ровно, как и всегда.

— Нужно организовать доставку цветов, — произнес я, по-прежнему изучая панораму.

Я развернулся к ней и начал детально описывать требования, не оставляя места для вольной интерпретации флориста. Букет должен был стать продолжением образа мисс Голдман — её сдержанного огня, скрытого под маской спокойствия.

— Записка, мистер Монро? — снова спросила она, когда я закончил.

Я наконец отошел от панорамного стекла и вернулся к массивному столу. Выудив из блока чистый лист, я быстро набросал несколько строк, сложил его вдвое и передал Ханне.

— Адрес: 15 Хадсон-Ярдс, квартира 7501. Получатель — мисс Голдман.

Ханна коротко кивнула и исчезла так же бесшумно, как и появилась. В кабинете снова воцарилась тишина. Огромное пространство, которое обычно служило мне крепостью, внезапно сузилось до размеров клетки. Воздух казался спертым, пропитанным запахом дорогой кожи и застарелым цинизмом юридических побед.

Оставаться здесь больше не имело смысла. Ожидание её реакции теперь казалось мне единственным настоящим судом за весь этот бесконечный, пропитанный ложью день. Я был мастером систем, но сейчас я был обычным игроком, который поставил всё на одну карту и мог только ждать восьми вечера.

Я взглянул на часы. 17:30. Время, которое обычно знаменовало начало моего второго рабочего дня — вечернего чтения отчетов, — сегодня превратилось в обратный отсчет. Мне нужно было вернуться домой.

В сорок два года мужчина обычно перестает суетиться перед зеркалом, достигая того уровня самоуверенности, когда статус считается по осанке, а не по узлу галстука. Но сегодня привычной уверенности было недостаточно. Эстер Голдман обладала редким даром — она видела фальшь там, где другие видели безупречность. Прошлой ночью, в тусклом свете коридора, я на мгновение забыл, что мне пошел пятый десяток. Забыл о грузе опыта, о шрамах от прошлых сделок и о той эмоциональной дистанции, которую я выстраивал годами.

Рядом с ней я обязан был соответствовать. Не только как владелец компании или человек, чье имя заставляет юристов прокуратуры нервно проверять орфографию в исках. Я хотел,

чтобы она видела во мне нечто большее, чем просто сумму моих активов, власть и сухую риторику.

Я вышел из здания, и вечерний воздух Нью-Йорка ударил в лицо, принося мимолетное облегчение. В машине я продолжал анализировать предстоящий ужин как сложнейший процесс. Я надеялся — хотя надежда редко была частью моего рабочего инструментария, — что она не из тех женщин, для которых мужчина — это лишь способ оплаты счетов и пропуск в мир частных клубов. В ней чувствовалась иная глубина, и именно эта неопределенность заставляла меня чувствовать себя почти уязвимым.

Когда лифт доставил меня на семьдесят пятый этаж, я шел по коридору, погруженный в собственные мысли, пока до моего слуха не донеслись звуки музыки. Я остановился.

Игра была невероятной. Это было странно — слишком живое и светлое звучание для нашего дома, где за каждой дверью обычно скрывались либо тишина, либо сдержанный шум телевизионных новостей. Скрипка не играла, она почти смеялась. Короткие, энергичные мазки смычка создавали ритм, который шел вразрез с тяжелым гулом кондиционеров. Мелодия была настойчивой и подозрительно оптимистичной; в ней не было драмы, только какая-то безоружная, открытая радость. Высокие ноты звучали чисто, без надрыва, словно кто-то уверенно вел диалог, в котором не нужно ничего доказывать.

Я замер. В этом звуке было то, чего мне самому сейчас не хватало — абсолютной уверенности в том, что финал будет светлым. Музыка казалась мне неуместной, почти дерзкой в своей простоте, но она заставила меня на секунду забыть и о деле «Глоуб Инвест», и о том, как сильно у меня натянуты нервы. Я невольно улыбнулся и, ощутив странную легкость в груди, зашел в свою квартиру.

В тишине ванной комнаты я методично приводил себя в порядок. Короткая, плотная щетина на лице требовала не бритвы, а лишь аккуратности, подчеркивая ту жесткость, которую я не привык скрывать. Парфюм с нотами сандала и темного ветивера ложился на кожу уверенным шепотом. Выбор одежды был продиктован летним вечером: темно-синий костюм идеального кроя и белоснежная рубашка. Я оставил верхнюю пуговицу расстегнутой — тонкий баланс между формальностью моего мира и тем небрежным комфортом, который может себе позволить только человек, знающий себе цену.

Я не хотел давить на нее своим положением, но и скрывать его не имел права. Это была бы еще одна ложь, а лжи в моем кабинете сегодня и так было в избытке.

В 19:50 я в последний раз взглянул на свое отражение. В глазах всё еще читалась та холодная аналитика, которую Маркус называл моим проклятием, но в них появилось и нечто новое — азарт, граничащий с опасным нетерпением.

Я вышел из здания, где летний зной мегаполиса уже начал смешиваться с вечерней прохладой, и остановился возле «Кадиллака». Водитель уже шагнул вперед, собираясь привычным жестом открыть передо мной заднюю дверь, но я остановил его коротким движением руки.

— Я жду кое-кого. Ждите нас в машине. Спасибо.

Я снова посмотрел на часы. 19:58. Секундная стрелка двигалась с неумолимым безразличием, отсчитывая мгновения до момента, который я сам назначил. Я поднял голову, глядя вверх на бесконечные этажи нашего комплекса. Сталь и стекло уходили в темнеющее небо, скрывая за собой сотни жизней, но меня интересовала только одна.

И тут меня настигли сомнения — те самые, которые я так успешно подавлял весь этот бесконечный день.

Что, если она не придет? Что, если в тот момент, когда курьер доставил коробку, её не было дома? Разум тут же подбросил контраргумент: я слышал её музыку. Я слышал ту скрипку, которая смеялась в пустом коридоре семьдесят пятого этажа. Она была там. Она не могла не заметить мой «аванс».

Но что, если для неё та ночь была лишь досадным эпизодом? Финалом, который она предпочла бы забыть сразу после того, как я закрыл за ней дверь?

«Тот, кого она ждала...» Эта мысль впиалась в мозг, как раскаленная игла. Кого она могла ждать с таким нетерпением в свой первый вечер после возвращения? У кого еще были ключи от её квартиры? Голова начала гудеть от наслоения гипотез. Возможно, она оставила их своему парню перед отлетом в Сан-Франциско. Тому, у кого есть законное право входить в её жизнь без официальных записок и приглашений.

Я, человек, который строил целые империи на фактах и неопровержимых доказательствах, сейчас тонул в океане собственных догадок. Я чувствовал себя почти уязвимым в этом ожидании — сорокадвухлетний мужчина, стоящий на тротуаре, как мальчишка, в надежде, что его вызов был принят.

И именно в ту секунду, когда тишина ожидания стала почти невыносимой, я увидел её. Тяжелая стеклянная дверь мазнула по воздуху коротким бликом и выпустила её наружу. Она оказалась прямо передо мной так стремительно, что я не успел подготовить свою обычную маску равнодушия. Я знал, что она красива, но сейчас эта красота была вооружена и опасна.

Первое, что ударило по глазам — этот невозможный небесно-голубой шелк. Платье с воротником плотно охватывало её шею, переходя в длинную, струящуюся ленту, которая легким шлейфом следовала за ней при каждом движении. Живая, чувственная ткань маняще очерчивала изгибы её груди, обещая больше, чем показывала. Яркий цвет фантастически контрастировал с её золотистым загаром, словно она только что вернулась не из Сан-Франциско, а с лазурного побережья.

Волосы были собраны в безупречный низкий узел, открывая вид на изящную линию шеи и обнаженные плечи. Её руки, тонкие и почти прозрачные, казались хрупкими на фоне тяжелых складок шелка. И только когда она сделала шаг, я заметил финальный штрих — стальной блеск серебристых ремешков на её тонких щиколотках.

Платье было вызывающе коротким — дерзкая полоска ткани, едва достигающая середины бедра, открывала ноги такой длины и стройности, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Они казались бесконечными, подсвеченными матовым сиянием кожи и отточенной игрой шпилек.

Она сделала шаг ко мне, и высокая шпилька босоножек звонко припечатала тротуар прямо у моих ног. Теперь, когда она была почти вплотную, я видел только её глаза и этот шелк, который при каждом движении воздуха обещал больше, чем показывал. В носу зашекотал тонкий, едва уловимый аромат — запах её триумфа.

Она стояла передо мной — идеальное воплощение холодной элегантности сверху и чистой, нефильТРованной провокации снизу. Я выпрямился, чувствуя, как внутри всё напряглось до предела, словно перед решающим оглашением приговора. Это была наша вторая встреча, и она уже вела в счете, даже не произнеся ни слова. Весь мой сорокадвухлетний опыт, все мои деньги и власть сейчас казались лишь массовой в её личном представлении.

— Мисс Голдман, — мой голос прозвучал на октаву ниже, чем обычно, выдавая то самое напряжение, которое я так старался скрыть.

Я выдержал этот взгляд — янтарный, глубокий, в котором на долю секунды промелькнуло нечто среднее между вызовом и коротким одобрением того, как я сегодня выгляжу. Шагнув вперед, я открыл перед ней тяжелую дверь «Кадиллака».

Эстер скользнула в салон, в последний раз одарив меня этим невозможным взглядом из-под густых ресниц, и именно в этот момент мой мир окончательно пошатнулся. Когда она повернулась, я увидел, что шелк, так плотно охватывающий её шею, оставляет спину абсолютно обнаженной. Тонкая полоска ткани сзади была единственным, что удерживало это безумие на её теле. Гладкая, подсвеченная уличными огнями кожа её спины была настолько без-

упречной, что у меня перехватило дыхание. Это было финальным ударом, выбившим из легких остатки кислорода.

Я закрыл дверь, чувствуя, как ладонь слегка вибрирует от касания к металлу, и на мгновение замер, глядя на свое отражение в тонированном стекле.

Я понимал одно: этот вечер окончательно перестал быть просто ужином. Это была война на уничтожение, и я, кажется, впервые в жизни был не против проиграть.

Автомобиль плавно тронулся, отсекая нас от шума вечернего города тяжелым слоем шумоизоляции. В салоне воцарилась та самая интимная, почти осязаемая тишина, в которой каждый вдох звучит как признание. Запах сандала от моего парфюма смешался с её тонким ароматом, создавая новую, опасную химию.

Я не мог оторвать от неё взгляда. В приглушенном свете салонных ламп её профиль казался высеченным из драгоценного камня, а голубой шелк на шее отливал сталью. Она, кажется, почувствовала мой напор и на мгновение смутилась — едва заметный жест, который выдал лишь то, как крепко её тонкие пальцы вцепились в клатч. Она отвела взгляд к окну, где проносились огни Хадсон-Ярдс.

— Спасибо за цветы, Лиам, — негромко произнесла она, не поворачивая головы. — Они... особенные.

— Я рад, что флористам удалось реализовать мои требования с должной точностью, — ответил я, позволяя себе легкую улыбку. — Передать через цвет то, что я увидел в вас вчера, было непростой задачей.

Эстер медленно кивнула, всё еще изучая отражения в стекле. Я подался чуть вперед. Моя ладонь легла на её скрещенные пальцы, накрывая их. Кожа была прохладной, и я почувствовал, как она едва заметно вздрогнула от этого контакта, но не отстранилась.

— И это я должен поблагодарить вас за то, что вы приняли моё приглашение, — сказал я, понизив голос до той степени доверительности, которая не терпит свидетелей. — Должен признать, моя самоуверенная импровизация с запиской была авантюрой, в успехе которой я не был убежден до последней секунды. Обладай я вашими прямыми контактами, координация наших графиков была бы лишена этого налета фатализма, но, увы, мне пришлось полагаться на удачу.

Она наконец повернулась ко мне. В янтарных глазах отразилось недоумение, смешанное с чем-то горько-сладким.

— Я не ожидала этого, — честно ответила она, глядя на мою руку, лежащую поверх её. — После той ночи... вы вовсе не обязаны были вести себя как джентльмен, мистер Монро. Я ни на что не рассчитывала. В нашем мире такие встречи обычно заканчиваются коротким «спасибо» и тишиной.

Я дождался, пока она закончит, не перебивая — это было бы верхом бескультурья, которого я не мог себе позволить сейчас. Я выдержал паузу, глядя ей прямо в зрачки, и слегка сжал её ладонь.

— Ошибочно полагать, что я склонен к банальным сценариям, — произнес я медленно. — Видите ли, мисс Голдман, ваши манеры и та дистанция, которую вы выстроили, стали единственным, о чем я был способен думать весь этот бесконечный день. Иного исхода, кроме этого вечера, я в своей стратегии даже не рассматривал.

Когда «Кадиллак» плавно замер у входа в ресторан, я не стал дожидаться, пока швейцар или водитель проявят инициативу. Я вышел первым, стремительно обойдя капот, и коротким, едва заметным жестом остановил руку шофёра, уже тянущуюся к ручке. В этом вечере не должно было быть посредников.

Протянув ладонь, я замер, ожидая её решения. Эстер помедлила лишь мгновение, прежде чем вложить свои пальцы в мою руку. Её золотистая кожа, подсвеченная уличными фонарями, фантастически контрастировала с голубым шелком платья, а прикосновение было

легким, но уверенным. Когда она ступила на тротуар, серебристые ремешки её босоножек снова блеснули, приковывая внимание к её бесконечным ногам.

Я не спешил разрывать контакт, но как только она обрела устойчивость, я плавно отвел руку и предложил ей свой локоть. Это не было просто жестом вежливости — это был способ обозначить границы нашего пространства в этом многолюдном городе.

Эстер приняла этот безмолвный призыв. Её рука скользнула по ткани моего пиджака, закрепившись на моем локте. Я почувствовал едва уловимое давление её пальцев — доверие, которое стоило дороже любых слов. Мы не просто шли в ресторан; мы входили в него как два игрока, которые наконец-то признали правила друг друга.

— Готовы к продолжению? — тихо спросил я, накрывая её ладонь своей, прежде чем мы сделали первый шаг к дверям.

Она не ответила вслух, но легкий наклон её головы и едва уловимый аромат её парфюма были красноречивее любого согласия.

Я ощутил, как Эстер едва заметно напряглась, когда мы переступили порог. Ресторан встретил нас приглушенным гулом голосов и звоном дорогого хрустала, но для меня этот шум сразу отошел на второй план, как только навстречу вышла хостес.

Девушка за стойкой расплылась в улыбке, которая была на несколько градусов теплее и шире, чем того требовал профессиональный этикет. В её взгляде промелькнуло узнавание, смешанное с плохо скрытым восторгом.

— Добрый вечер, мистер Монро. Искренне рады вашему возвращению, мы давно не имели чести принимать вас, — произнесла она, чеканя слова с той услужливостью, которая обычно предназначается лишь самым статусным гостям.

Я ответил коротким, почти формальным кивком. Вступать в светские диалоги с персоналом, а уж тем более демонстрировать здесь свою историю посещений, в мои планы не входило. Сейчас любое упоминание моего прошлого в этих стенах казалось мне лишним шумом, нарушающим ту тонкую атмосферу, что начала выстраиваться между мной и женщиной, чья рука всё еще лежала на моем локте.

— Ваш столик готов, — быстро добавила хостес, почувствовав мою холодность.

Она сделала приглашающий жест рукой, указывая направление к глубине зала. Мы последовали за ней, проходя мимо столиков, за которыми сидела элита Манхэттена. Я кожей чувствовал, как взгляды мужчин — хищные, оценивающие — впиваются в Эстер, в её открытую спину и этот дерзкий голубой шелк.

Я невольно сократил дистанцию, ведя её через зал так, словно обозначал невидимый периметр.

Девушка подвела нас к уединенному столу в глубине, скрытому от посторонних глаз за густой зеленью декоративных растений и мягким, приглушенным светом.

Она отодвинула стул для Эстер, и я снова замер, когда небесно-голубая ткань платья скользнула по обивке, а обнаженная кожа её загорелой спины на мгновение оказалась в опасной близости от моих рук. Когда она села, я занял место напротив, чувствуя, как пространство между нами мгновенно зарядилось электричеством.

Стол был небольшим, и это была стратегическая победа — я мог видеть каждое мимолетное изменение в её взгляде.

Когда официант наполнил наши бокалы и, наконец, исчез в полумраке зала, тишина между нами стала еще плотнее. Пузырьки шампанского искрились в хрустале, отражая мягкий свет свечей. Я поднял бокал, поймав её взгляд.

— За безупречную партитуру этого вечера, — произнес я негромко.

Эстер едва заметно улыбнулась и сделала глоток. Я не мог оторвать от неё глаз. То, как её тонкие пальцы обхватили высокую ножку бокала, её безупречная, гордая осанка и пара золо-

тистых прядей, выбившихся из узла и упавших на лицо, — всё это складывалось в картину, которую хотелось изучать часами, слой за слоем.

Я поставил бокал на стол и подался чуть вперед.

— Вчера я допустил ошибку, — сказал я, и мой голос прозвучал неожиданно сухо.

Она замерла. Бокал застыл в нескольких сантиметрах от её губ, и мне показалось, что она на мгновение перестала дышать. В её янтарных глазах мелькнула настороженность, почти испуг. Я тут же понял, как двусмысленно и резко прозвучало начало моей фразы.

— Я выразился неверно, — добавил я мягче, пытаясь сгладить впечатление. — Ошибка в том, что я узнал о вас далеко не так много, как мне бы хотелось. И сейчас я намерен это исправить.

Я замолчал, давая ей возможность выдохнуть, но взгляд мой оставался прямым и требовательным.

— Я хочу знать о вас всё. Абсолютно. Сколько вам лет? Откуда вы приехали в этот город? Давно ли музыка стала вашей единственной константой? И... — я сделал короткую паузу, — что заставляет вас так искренне смеяться через струны скрипки, когда вы думаете, что вас никто не слышит?

Я ждал ответа, чувствуя, как воздух между нами буквально вибрирует от моего любопытства, которое я больше не считал нужным скрывать под маской профессиональной отстраненности.

Я увидел, как по её лицу пробежала тень, а глаза начали нервно бегать, словно она искала в полумраке зала пути к отступлению. Она медленно поставила бокал. Весь её облик, минуту назад дышавший холодной элегантностью, вдруг стал растерянным и почти хрупким.

«Я сказал что-то не то?» — промелькнуло у меня в голове. Я привык к вопросам, но здесь мои вопросы будто ударили по живому нерву.

— Я... я из Сан-Франциско, — её голос, до этого напоминавший шелк, на мгновение стал ломким. — Мой мир всегда был ограничен лишь нами с отцом. Теперь он — единственное, что связывает меня с тем побережьем.

Я уловил эту паузу, эту странную, почти осязаемую неуверенность. Она фильтровала информацию с грацией опытного дипломата, словно за каждым фактом скрывалась тайна, к которой я еще не заслужил доступа.

— Мои отношения с музыкой начались, когда мне было пять, — продолжила она, и её взгляд наконец обрел прежнюю ясность. — Сначала это было фортепиано — дисциплина, порядок, холодные клавиши. Но скрипка... она заполучила моё сердце гораздо позже, став моим личным актом неповиновения. Моё детство прошло в стерильных музыкальных классах, под надзором маэстро, которого отец подбирал так же тщательно, как антиквар подбирает оправу для редкого камня.

Она произнесла слово «отец» с той интонацией, в которой нежность смешивалась с фатализмом.

— Он человек старой закалки, Лиам. Для него мой выбор инструмента был чем-то большим, чем просто эстетическое предпочтение. Это была дань преемственности, попытка сохранить наш код в мире, который стремительно всё забывает. Когда он купил мне мою первую настоящую скрипку, он коснулся её деки с таким благоговением, будто перед ним была священная реликвия. В тот день я поняла: моя музыка стала для него подтверждением того, что цепь не прервалась. Что наша история всё еще звучит.

Она замолчала, и в этом молчании я отчетливо услышал отголоски древних псалмов и поколений, чья вера и культура веками передавались из рук в руки — через скрипку, через молитву, через шепот. Она говорила о корнях так глубоко, что я почти физически ощутил вес этого наследия на её хрупких плечах. Но тишина, возникшая при упоминании матери,

была оглушительной. В её личной генеалогии была зияющая пустота, которую она не спешила заполнять.

Более того, мой вопрос о возрасте остался без ответа. Намеренная лакуна в биографии или искусная смена темы?

Эстер вдруг выпрямилась, и её взгляд снова стал острым, как лезвие. Она явно решила, что её лимит откровений на этот вечер исчерпан, и пришло время для контратаки.

— А откуда вы родом, Лиам? — её голос прозвучал мягко, но в нем отчетливо слышался вызов. — Сомневаюсь, что вы появились на свет в этом безупречном костюме и с готовым кодексом законов в руках. Где начинался ваш путь до того, как вы превратились в человека, способного выиграть любую войну, еще не начав её?

Она замолчала, ожидая моего ответа с тем же вниманием, с каким я секунду назад изучал её саму.

Я усмехнулся, принимая её подачу. Она была точно, пытаюсь нащупать под моим лоском живого человека, и это доставляло мне почти физическое удовольствие.

— Мой путь начался в Акроне, штат Огайо, — я откинулся на спинку стула, не разрывая нашего визуального поединка. — Место, которое не балует перспективами, если ты не готов за них драться. В моем случае Колумбийский университет не был вопросом семейных традиций или наследного права. В Акроне, Эстер, если у тебя нет лишних сотен тысяч долларов, у тебя есть только один путь — стать настолько чертовски эффективным, чтобы университет сам счел за честь за тебя заплатить.

Я сделал небольшую паузу, наблюдая, как она впитывает каждое мое слово.

— Я выжал из системы всё, что было возможно, и сдал вступительные так, что у них просто не осталось выбора. Им нужны были мои мозги для статистики, а мне — их имя для будущего. Мы заключили своего рода сделку: они полностью оплатили мне обучение и жилье, а я взамен обеспечил им лучший рейтинг на потоке. Я приехал в этот город с одним чемоданом, и всё, что вы видите сейчас — это мои личные дивиденды от той победы.

В её глазах промелькнуло нечто, что я не смог расшифровать — возможно, удивление от того, что за моим нынешним лоском скрывается такая жесткая математика выживания.

— После выпуска я мог бы выбрать любую из протоптанных дорог: пойти помощником к федеральному судье или даже в Верховный суд США. Фирмы из списка *White Shoe* — те самые мастодонты вроде *Sullivan & Cromwell*, которые веками диктуют правила в Нью-Йорке, — охотились за такими выпускниками. Но я никогда не любил работать на чужую славу. Поэтому, когда мои университетские друзья, Джулиан Локвуд и Маркус Гейтс — мы провели в Колумбийском бок о бок всё время — предложили рискнуть, я не колебался. Мы уехали в Цинциннати и открыли свое дело, выстраивая собственную иерархию с самого фундамента.

Я подался вперед, сокращая расстояние между нами. Теперь в моем голосе не было иронии — только низкие, вибрирующие ноты.

— Так что вы правы: я не родился в этом образе, я его сконструировал. Но мы снова вернулись к моей стратегии. Вы так искусно пропустили мой вопрос о возрасте, Эстер. Это часть вашей тактики — позволять мне говорить, чтобы самой оставаться в тени?

В этот момент официант бесшумно возник у нашего стола, прерывая затянувшееся молчание. Он расставил блюда с той безупречной хореографией, которая отличает заведения подобного уровня от всех прочих. Тонкие ароматы специй и соусов на мгновение заполнили пространство между нами, но я едва ли их заметил. Мой взгляд был прикован к Эстер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.